ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 2 (3031) | Суббота, 3 января 1953 г. | Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Что задумано — будет сделано!

Прекрасное входит в нашу жизнь так всеобъемлюще и стремительно, что каждому из нас трудно охватить мысленным взором все те чудесные перемены, которые происходят повсюду в нашей стране. И вместе с тем прекрасное входит в наши будни так естественно и просто, что без него мы и не представляем своего существования. То, что вчера еще было мечтой, сегодня — уже быт.

Ну можно ли, скажем, удивить москвича подземными дворцами метро, в которых он бывает по нескольку раз на день и привык к ним так же, как житель гор к снежным вершинам, к шуму водопадов, к прозрачному горному воздуху. Может ли удивить жителя тундр симфоническая музыка, которую он ежедневно слышит по радио, колхозника из далекой «глубинки» — демонстрация кинофильма, пассажира самолета — полет под облаками и над ними? Новое входит в наш быт так прочно, как в пейзаж столицы вошли высотные здания-исполины, словно приподнявшие на своих плечах величие города, к которому с надеждой устремлены взоры всего человечества.

Из года в год все красивее, все могущественнее становится наша страна. Вот минул еще один год — 1952-й. Дни его были наполнены радостью творчества. Это был наш обычный трудовой год, в котором рядом стоят героическое и обыденное, великое и простое, — и то, что останется в памяти на века, как выдающееся событие, и то, что незаметно влилось в единый и могучий процесс нашего всепобеждающего движения к коммунизму.

Год 1952-й ознаменован крупным историческим событием: состоялся XIX съезд Коммунистической партии. Новый Устав партии и директивы съезда по пятому пятилетнему плану развития СССР запечатлели величие наших дней, утверждающих материальные и духовные основы коммунизма. В канун съезда была опубликована гениальная работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой сформулирован основной экономический закон социализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».

По этому основному экономическому закону гармонично и всесторонне преобразуется вся наша жизнь. Об этом, в частности, говорят и итоги минувшего года.

В памяти любого нашего современника сохранилась величественная картина всенародного торжества в дни открытия Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Вспоминая об этом, мы побываем мысленно у стен Сталинграда, постоим перед монументальной скульптурой у входа в канал, с глубокой благодарностью и любовью всматриваясь в черты мудрого зодчего коммунизма Иосифа Виссарионовича Сталина, по замыслу которого проложили советские люди этот великий водный путь в безводной степи. Перед нашим взором пройдут одна за другой триумфальные арки на шлюзах канала, и в этих сооружениях, созданных трудом строителей, архитекторов, ваятелей и художников, раскроются перед нами незабываемые страницы прошлого и настоящего этой священной пяди нашей земли, овеянной славой боевых и трудовых подвигов советского человека. Мысленно мы побываем на широких просторах Цимлянского моря, возникшего волею человека, пройдемся по украшенной барельефами плотине, прислушаемся к гулу ветра в линиях высоковольтных передач, идущих от турбин новорожденной Цимлянской ГЭС.

Отсюда полет мысли перебросит нас к строительным площадкам Сталинградской и Куйбышевской ГЭС, к берегам Днепра, к пескам Туркмении, к берегам Ангары и Иртыша...

На неспокойных просторах Каспия мы увидим сияние огней городков и поселков, возникших среди моря: там советские люди добывают нефть со дна моря. В степях Узбекистана порадуют нас лимонные сады, которые этой осенью впервые дали стране новый сорт лимона «Узбекистан». В заснеженных степях Поволжья, Украины, мы увидим молодую поросль лесонасаждений, увидим и деревца, взращенные рукой человека только в этом году и встречающие сейчас свою первую зиму. Прислушаемся к звону туго натянутых проводов строящейся линии высоковольтных передач от Куйбышева к Москве... Всюду обновляется облик нашей земли!

Многое изменилось за год в наших городах и селах. В Сталинграде войдем в здание нового театра; в Брянске побываем на новом вокзале; в Сталино заглянем в новую водолечебницу для шахтеров; в Баку полюбуемся заплывами спортсменов-нефтяников в новом зимнем бассейне для плавания; в эстонском шахтерском городке Кохтла-Ярве послушаем концерт в недавно открытом Доме культуры; пройдемся по ярко освещенным улицам села Стеблево, где выстроена новая ГЭС, и вспомним, что это село того самого Корсунь-Шевченковского района, в котором были разгромлены попавшие в «котел» фашистские захватчики...

И уж, конечно, гордясь делами рук своих, остановимся перед замечательными архитектурными памятниками нашей эпохи, украсившими столицу страны. Вступили в строй высотные здания на Смоленской площади, у Красных ворот, на Котельнической набережной, величественно высится Дворец науки на Ленинских горах, все отчетливей вырисовываются богатырские очертания других высотных зданий, готовящихся вступить в строй. Все это — на благо советскому человеку, все это для него. И все это создается путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

На Московской строительной выставке 1952 года в Сокольниках была продемонстрирована первоклассная техника, которой вооружает строителей наша индустрия. Для того чтобы ускорить темпы и качество строительства, созданы специальные заводы, изготовляющие крупные блоки — панели стен, межэтажные перекрытия, лестничные марши.

Невиданные первоклассные машины появились на строительстве Куйбышевской и Сталинградской ГЭС: тысячекубовые землесосные снаряды, землечерпалка «Пятилетка», выполняющая работу 20 тысяч человек... А в проектных бюро и на заводах возникают конструкции еще более производительных, принципиально новых по своему устройству машин, отвечающих тем требованиям, которые предъявляют им обогащенные опытом строители.

Сталинский план пятой пятилетки открыл новые творческие возможности перед работниками всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, техники и науки. На вооружение строителей коммунизма поступают машины сказочной силы, такие, как, например, паровая турбина, мощностью в 150 тысяч киловатт, созданная коллективом Ленинградского металлического завода имени Сталина.

Для того, чтобы удовлетворить постоянно растущие материальные и культурные потребности советского человека, в нашей стране многое уже сделано, но еще больше предстоит сделать, особенно предприятиям легкой, местной, пищевой промышленности. Спрос на хорошие ткани для одежды, на удобную и красивую обувь, на изящную мебель, на автомашины, на книги и кинофильмы, на радиоприемники и телевизоры, из года в год растет. В напряженной борьбе за качество продукции прошел год. Борьба эта усилится в наступившем 1953 году. Все, что делается для советского человека, должно быть сделано отлично!

Стремление к совершенному, к прекрасному стало массовым. Многообразны и велики духовные запросы советского человека. Неустанны его творческие поиски в труде, в науке, в технике, в искусстве. Созидательный труд духовно обогащает человека, расширяет круг его интересов, раскрывает новые возможности для проявления его личности.

Наш современник предъявляет все более высокие требования к работникам искусства и литературы. «Огромные обязанности, — сказал в докладе на XIX съезде партии тов. Г. М. Маленков, — в великой борьбе по выращиванию нового, светлого и выкорчевыванию обветшалого и омертвевшего в общественной жизни ложатся на наших работников литературы и искусства».

В новый год мы вступили с новыми силами, мыслями, возможностями. И мы твердо знаем: все, что задумано, будет сделано.

Идут уже вести со всех концов Советской страны о первых трудовых днях 1953 года. Сталевары московского завода «Серп и молот» дали новые скоростные плавки, металлурги Магнитки прокатали первые сотни тонн металла сверх задания, Ленинабадский шелкокомбинат в Таджикистане выпустил почти полмиллиона метров шелковых тканей в счет наступившего года...

В декабре минувшего года в Вене закончился Конгресс народов в защиту мира. Советские делегаты сказали там свое слово. Это слово, высказанное от имени народа-созидателя, самоотверженность, гуманность, мужество которого очевидны, а готовность к защите мира неодолима, нашло радостный отклик в сердцах всех простых и честных людей земного шара. Могучий советский народ высоко и крепко держит знамя борьбы за мир. С этим знаменем мы и вступили в новый год.

История Москвы

Издательство Академии наук СССР выпустило первый том шеститомного издания «История Москвы», подготовленного коллективом Института истории. Этот том освещает феодальный период развития Москвы — с XII века, когда она была небольшим городком на границе Ростово-Суздальской земли, до XVII века включительно, когда она сложилась как столица русского централизованного государства.

Первый том открывается приветствием товарища И. В. Сталина столице нашей Родины в связи с ее 800-летием.

Сейчас коллектив ученых работает над остальными томами. Материалы второго и третьего тома относятся к XVIII и первой половине XIX столетия. Они должны восполнить пробел в историографии Москвы — объединительницы, борца за независимость нашей Родины, осветить сравнительно мало изученный период развития великого города.

Четвертый и пятый томы посвящены периоду до Февральской революции включительно. Заключительный, шестой том освещает историю Москвы социалистической, знаменосца мира, города, в котором живет и работает великий Сталин.

Пятидесятилетие Гегама Сарьяна

ЕРЕВАН. (Наш корр.). Литературная общественность отметила пятидесятилетие поэта Гегама Сарьяна.

В зале Союза писателей собрались писатели, рабочие, ученые, студенты, представители Советской Армии.

Творчество Сарьяна получило широкое признание народа. Поэтом созданы стихи, поэмы, баллады, прозаические и драматургические произведения. Он — тонкий переводчик на армянский язык произведений Пушкина и Лермонтова, Шевченко и Гейне. Стихи Сарьяна неоднократно издавались на русском языке.

Поэт показывает в них творческий, созидательный труд строителей коммунизма, раскрывает духовное богатство советского человека, его любовь к Родине, воспевает сталинскую дружбу народов. С теплыми, полными искренней любви словами обращается Сарьян к первому среди равных в братской семье народов — великому русскому народу. Большое место занимают в творчестве Сарьяна стихи о Ленине и Сталине. Поэт сумел передать в них глубокие чувства своего народа, спасенного от гибели и рабства Великой Октябрьской социалистической революцией. Ярко звучит в творчестве Сарьяна тема борьбы за мир.

Открывая вечер, ответственный секретарь Союза писателей Г. Борян отметил большие заслуги Г. Сарьяна — одного из зачинателей советской армянской поэзии. Доклад о жизни и деятельности поэта сделал кандидат филологических наук А. Мкртчян.

Поэта приветствовали представители Союза писателей, Союза композиторов, Союза художников, театра имени Г. Сундукяна и других организаций. Были зачитаны приветственные телеграммы: секретариата Союза писателей СССР, литературных организаций братских республик, ряда писателей и деятелей искусства Москвы, Киева, Минска, Тбилиси, Баку и других городов.

С ответной речью выступил Г. Сарьян.

Какую книгу я хочу прочитать в новом году

ВЕЛИКИЕ ОБРАЗЫ

В прошедшем году мне выпало счастье работать над созданием образа молодого Ленина в спектакле «Семья». Успех пьесы И. Попова, во многих отношениях несовершенной, и нашего спектакля, вероятно, еще более несовершенного, показал, с каким огромным интересом, с каким трепетом наша молодежь относится ко всему, что связано с жизнью Владимира Ильича.

Изучая биографические материалы, я поразился богатству возможностей для создания беллетристических произведений о молодых годах вождя и робкому, на редкость робкому воплощению этой высокой темы в нашей литературе.

Вопросы воспитания в себе высоких моральных качеств советского человека глубоко волнуют советскую молодежь. Хорошая повесть о юности Ленина и Сталина помогла бы в этом благородном деле. Да и где найти лучший ответ на вопрос о том, как стать настоящим человеком, если не в книгах о воспитании, о формировании характера и мировоззрения наших великих учителей — Ленина и Сталина!

В новом году я хотел бы если не прочесть такую книгу, то узнать о том, что кто-то из наших больших писателей работает над ней.

А. ЛЯДОВ,
артист Омского областного драматического театра

МЕЧТА О БУДУЩЕМ

Мне очень хотелось бы в 1953 году прочесть книгу по-настоящему **интересную**, книгу, от которой нельзя оторваться, пока ее не закончишь, и которую не забудешь после того, как ее прочитаешь.

Я хочу, чтобы в этой книге непременно был сложный сюжет, включающий в себя и случайные, чрезвычайные происшествия, как это часто бывает в жизни. Мне больше не хочется с первых же страниц книги безошибочно угадывать, чем она закончится... Пусть в этой книге действуют живые и своеобразные люди, наделенные яркими и определенными характерами, а не только производственными характеристиками. Эти люди должны любить и страдать, радоваться и огорчаться, смеяться и спорить, должны совершать ошибки, узнавать новое, страстно бороться со старым. Я хотела бы узнавать своих друзей в героях этой книги.

И хотя сама я — библиотечный работник, мне вовсе не хочется оздачивать наших писателей «местнической» просьбой: «Напишите, дескать, книгу о жизни библиотекарей!». Потому что в жизни ведь никогда, скажем, библиотекари или летчики не живут только в своем кругу, изолированно от людей других профессий.

Нет у нас до сих пор хорошей научно-фантастической книги, книги-мечты о будущем коммунистическом обществе. И если, товарищи писатели, вы будете создавать эту книгу, то не перегружайте ее, пожалуйста, описаниями сложных машин и механизмов, по отношению к которым образы людей обычно играют вспомогательную и второстепенную роль. Меня, например, значительно более интересуют будущие формы человеческих отношений, которые уже сейчас, по-моему, можно и нужно предугадывать и предвидеть.

Вот такие книги я и сама с великим удовольствием прочту и с радостью буду рекомендовать их читателям нашей библиотеки.

Н. КОЛБАСОВА,
заведующая библиотекой

МОСКВА

ЗАЩИТНИКИ МИРА

В дни, когда во всех странах земного шара развернулось всенародное, невиданное в истории движение борьбы за мир, когда простые честные люди всех стран, невзирая ни на какие репрессии и террор, грудью встали на защиту самого священного права народов, мне кажется, что рассказ об этой героической борьбе — почетная задача для писателя.

Когда встречаешься с защитниками мира, людьми доброй воли — француженкой, не позволившей своему сыну воевать во Вьетнаме, отважной немецкой девушкой, прорвавшейся через все кордоны на слет демократической молодежи, негром и бразильцем, борющимися в условиях жесточайших преследований, корейской матерью, потерявшей своих детей и защищающей чужих, — чувствуешь и понимаешь, какой непреклонной волей, решимостью и подлинным героизмом обладают эти мужественные люди.

О судьбе почти каждого из них можно написать страстную, взволнованную книгу. Я с нетерпением жду ее.

Л. КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

„ИСТОРИЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА"

Мне хотелось бы прочесть книгу о том, как в цех приходит юноша, у которого пока еще нет ни образования, ни производственных навыков. Но проходят годы упорной работы, учения, годы преодоления трудностей, и этот юноша, став мастером, на двадцать лет двигает вперед, скажем, фрезерное дело. Такая книга должна рассказать о дружбе наших рабочих с наукой, о большой общественной, партийной и государственной работе, которую ведут люди простого, но творческого труда в цехе, на заводе, в Советах депутатов трудящихся. Хотелось бы, чтобы этот роман показал, как выросли культурные запросы рабочих.

Читатель о литературе

Чтение книг, посещение театров, концертных залов стали для них такой же потребностью, как отдых, а их художественные вкусы настолько высоки, что к их слову прислушиваются артисты, писатели и художники.

Эта книга должна описать и жизнь рабочей семьи, новые отношения в ней, ту чуткость и заботу, которыми окружены у нас дети.

Такой роман должен охватить лет десять-пятнадцать жизни героя, он представляется мне, как «История моего современника». И если он будет написан правдиво, ярко, художественно, он ясно покажет то, почему в нашей стране этот рост людей — путь новаторства — стал обыкновенной историей жизни советского рабочего.

С. БУШУЕВ,
токарь, лауреат Сталинской премии

ИСКУССТВО И НАРОД

Прочитать хорошую книгу — это значит познакомиться с интересным человеком, заглянуть в его душевный мир, сложный, подчас противоречивый, развивающийся. Особенно нас волнуют в человеке черты нового, а они многообразны.

Мне довелось быть в одном ремесленном училище на репетиции самодеятельного кружка. Шестнадцати-восемнадцатилетние юноши и девушки по вечерам, в свободное от занятий время, готовили... сцену «Стрелецкая слобода» из оперы Мусоргского «Хованщина». Сложнейшая народная сцена, труднейшая из всех, что есть в мировой оперной литературе. Потом она была показана в декорациях, костюмах, гриме. Юных исполнителей — будущих слесарей, столяров, краснодеревщиков — слушали и смотрели их же друзья-ремесленники, награждая их искусство аплодисментами.

Если сегодня они посвящают свой досуг Мусоргскому, наслаждаются им и знают его, то что же будет, когда пройдет 5—10 лет и они станут зрелыми рабочими?

Духовное преобразование человека, связанное с художественным воспитанием, с активным проникновением искусства в народ, — вот тема, которой стоит посвятить книгу, роман, повесть... Искусство стало потребностью масс. Оно стало массовым в восприятии и перестает быть уделом «избранных» в воспроизведении. Прошло время единичных «художественных натур» — искусством теперь владеет народ и живет в нем.

Я хотел бы прочитать книгу о «жизни в искусстве» рабочего, инженера, колхозника; почувствовать в этой книге огромную облагораживающую роль искусства. Я хотел бы прочитать о том, как искусство помогает преобразованию человека и как человек преобразует искусство.

Б. ПОКРОВСКИЙ,
главный режиссер Большого театра Союза ССР, лауреат Сталинской премии

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О ШКОЛЕ

Был у нас в школе, в пятом классе, ученик — мальчишка дерзкий, упрямый, необыкновенно умный и также необыкновенно запущенный в смысле воспитания. Мать и отец его, люди очень занятые, не скрою, только на школу и надеялись: она не даст Юрке пропасть.

А Юрка? Правду сказать, он любил школу и даже однажды подрался с мальчишкой из соседней школы, отстаивая честь своей. С долговязым «противником» своим он встретился у кассы кинотеатра. Юрка удрал с уроков, делал он это часто, но ехидства не терпел и вообще был поборником честности и справедливости. А знакомый из соседней школы подмигнул Юрке и снисходительно заметил, что у них, видно, учителя — «не очень». Юрка не стал расспрашивать долговязого — «очень» или «не очень» учителя в их школе, а дал ему по носу. Их разняли...

Учителю, родителям, детскому писателю и взрослому читателю хотелось бы, конечно, чтобы после этого сражения Юрка вернулся в школу, сел за парту и провел, как положено, остальные уроки. Но он не вернулся, дорогие товарищи, он просто перешел через улицу, купил билет в другой кинотеатр и стал в третий раз смотреть знакомую картину.

Не проходило дня, чтобы в учительской не помянули имени Юрия Д. Слово «исключить» все чаще ставилось рядом с именем упрямого мальчишки.

Особенно тяжело было с Юрием Д. учительнице математики. Чего только не делала учительница, чтобы «завоевать» Юрку. Однако видимых изменений в поведении Юрки не было. И вот, когда уже лопнуло терпение, когда учительница тоже решила, что осталась единственная мера — исключить, с Юркой произошла перемена.

Если посмотреть со стороны, то перелом в поведении мальчишки свершился как-то вдруг, быстро, круто, слишком зримо, как в жизни не бывает, но зато часто случается в книгах о школе. Однако можете мне поверить, что дело было с виду действительно так: еще вчера Юрий довел учительницу до отчаяния, а следующий день уже был началом совершенно новой полосы в жизни Юрки и в работе учительницы. Когда потом учительница рассказывала о своей борьбе за Юрку и других, она видела только ее — радостную, желанную победу — и забывала о том, что она боролась за нее долго, упорно, выросла за это время сама, вырастила коллектив класса и Юрку. Правда, она даже выступала с обобщением своей работы на педсовете, но надо прямо сказать, что мы не были довольны ее выступлением: сделала много, а рассказала мало. На многие наши вопросы она отвечала «забыла, не помню». Радость победы затмила путь борьбы. Кто-то с досадой заметил: «Хоть бы дневник вела». И хотя это замечание высказано было с места, неофициально, учительница услышала. Смущенно улыбаясь, она сказала: «Я же не писатель, какие тут могут быть дневники...»

Верен или неверен ее ответ, — не в этом дело. Дело в том, что мы, учителя, хотим прочитать в новом году о жизни и работе советских педагогов хорошую книгу, большой, настоящий роман. Если бы кто-нибудь из писателей, например В. Кетлинская, заинтересовался этой темой, то — я уверена заранее — получилась бы книга, которую ждут очень многие читатели.

В. ПЕТРОВА,
учительница

СВЕРДЛОВСК

НАДОЕЛИ ПЛОХИЕ СТИХИ!

На Новый год принято говорить приятные вещи, особенно поэтам. В минувшем году я прочитала много стихов, гораздо больше обычного. Но, к сожалению, это — не новогодний комплимент поэтам. Особый интерес мой к новым стихотворениям в прошлом году вызывался тем, что, прочитывая один сборник за другим, я все не находила среди них такого, чтобы все стихи в нем были настоящими. Мне трудно объяснить, что это означает, но меня, наверное, поймут. Во многих новых сборниках я находила свежие и талантливые стихотворения, еще больше — запоминающихся строф и строк, но ни разу за этот год мне не попалась книжка, в которой от начала и до конца все стихи были интересны для чтения. Я не говорю — равноценны: одни стихи могут нравиться больше, другие — меньше, но интересными должны быть все. Мы, читатели, хотим, чтобы стихи поэтов рождали у нас новые чувства, вызывали новые мысли. К сожалению, это не всегда бывает. Иногда после чтения сборника остается досадное чувство — почему так нетребовательны поэты к своим произведениям.

Я не хочу называть фамилии, но, право же, упрек мой можно отнести почти ко всем нашим поэтам, выпустившим свои сборники в прошлом году.

В чем же дело? Ведь талантливые поэты у нас не перевелись. Я читала немало рецензий, в которых говорилось, что издательства либерально относятся к составлению сборников. Это, наверное, правда. Но мне кажется, что все же в первую очередь виноваты в этом сами поэты. Видимо, они мало думают о нас, жадных и благожелательных читателях. Поэтому мне очень хочется, чтобы перед глазами наших поэтов в новом году все время неотступно возникал образ читателя, который листает их книги и вместе с ними радуется всем их стихотворениям.

К. СУХЕНКО,
преподаватель университета

КИЕВ

ГДЕ КНИГИ О СЕМЬЕ?

Недавно в журнале «Работница» прочла я очерк, как неродной отец, придя в семью, где было двое ребят, понемногу приучал детей к себе, входил к ним в доверие. Конечно, в очерке многого не расскажешь. Но книг об этом — о семье, о воспитании детей — почему-то не пишут. Уж если встретится в книжке семья — обязательно гладенькая, ровненькая, хоть картину с нее пиши да на стенку вешай. А кругом, среди наших текстильщиков, сколько переживаний с семьей связано, сколько матерей-одиночек мучаются, ищут, как лучше воспитать своего сорванца... По-разному приходят люди к семейному счастью, по-разному и написать об этом надо.

Я вот, например, книжки Коптяевой надолго запомнила. Критики в этих книжках много разных недостатков нашли — может, это и верно. Но ведь других-то — о женщине, о семье — нету. Мало об этом по-настоящему, по-честному пишут...

И сказок мало издают. У нас в Глухове народных сказок и вовсе не отыщешь. Бывает, приеду я из Москвы, привезу детских книжек и сказок, каких в магазинах нашла или в Колонном зале купила, — так за неделю весь поселок эти книжки ребятам перескажет, и опять ворчим: «Куда это хорошие сказки подевались?..»

Хочется и о текстильщицах наших книжку почитать, пьесу посмотреть. Лучше всего — о девушках наших, о молодежи. Встретишься с ними на собрании или там в беседе какой, начнешь о своей жизни рассказывать, о работе, так они потом возьмут и выскажутся: «Да, вы у нас одна такая...» Неправда это! Стахановок, общественниц, матерей хороших на нашем комбинате много, а по всей стране — не сосчитать. А вот рассказать о них действительно не сумели, тут уж писатели виноваты.

И последний мой, так сказать, личный счет к писателю Борису Полевому. Мы с ним часто на конференциях и на конгрессах в защиту мира встречаемся. Вместе в Варшаву ездили, вместе недавно опять в Колонном зале заседали. Он после таких заседаний в газету или в журнал обычно пишет. А почему бы ему не написать большую книгу о борьбе за мир? Настоящую, художественную, чтобы и герои в ней были, и разные страны. И чтобы написана она была не хуже, чем «Повесть о настоящем человеке». Очень порадовался бы народ такой книге!

Л. АНАНЬЕВА,
прядильщица Глуховского хлопчатобумажного комбината имени Ленина, депутат Верховного Совета СССР

КАКАЯ БУДЕТ ЖИЗНЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ...

Мы прочитали очень много детских книг. Больше всего нам понравились те, где действуют героические характеры. Павка Корчагин, Олег Кошевой, Зоя Космодемьянская, Гуля Королева, — они стали нашими близкими, дорогими друзьями.

Эти герои, проявившие свою смелость и силу воли во время войны, стали легендарными. Но где нам прочитать о тех ребятах-героях, которые живут рядом с нами и сегодня совершают подвиги в своей обыкновенной жизни и в учебе?

Мы мечтаем вырасти нужными своей Родине людьми, умелыми строителями коммунизма. Поэтому нам очень хотелось бы прочесть книгу о том, какая вообще будет жизнь при коммунизме. Какой будет новая техника и какими должны стать люди при коммунизме.

Дорогие товарищи писатели! Напишите, пожалуйста, о таком школьнике, из которого выйдет достойный житель коммунизма, и мы постараемся во всем брать с него пример. Только обязательно напишите так, чтобы было очень интересно читать, так, чтобы не оторваться от книги и запомнить ее на всю жизнь! Вот наше новогоднее пожелание.

Толя **НИСЕЛОВСКИЙ**, Игорь **ДОРОФЕЕВ**, Рена **БАЛДЯЕВ**, Юра **КОНСТАНТИНОВ**,
ученики 7-го класса

МОСКВА

СМЕЛЕЕ РАЗОБЛАЧАТЬ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ!

В новом году я хотел бы прочитать такие книги, в которых правдиво изображалась бы жизнь, смело и остро критиковались недостатки и болезненные явления.

Мне кажется, что во многих произведениях последнего времени у нас установился какой-то шаблон, схема. Как только речь заходит об отрицательных персонажах, на сцену тут же выходят или профработник (если тема книги — завод, учреждение), или интендант (если роман посвящен Советской Армии или Флоту). Я не хочу сказать, что у людей этих специальностей не может быть недостатков, что они не заслуживают критики. Дело совсем не в этом. Нельзя, по-моему, силу писательского гневного разоблачения отрицательного подменять «критикой» какой-то «дежурной» профессии, «дежурного» образа. Это же механическое, а не творческое понимание задач инженеров человеческих душ.

На мой взгляд, во многих произведениях наших писателей по шаблону изображается и конфликт между руководителями и массами.

Конечно, в жизни новое часто пробивает себе дорогу в борьбе с косностью и рутиной отдельных руководителей. Но это отнюдь не правило. И совсем не обязательно каждое литературное произведение строить на таком конфликте, а именно это, к сожалению, стало своеобразной литературной «модой».

В течение нескольких лет я ежегодно провожу отпуск в своих родных местах, в одном из районных центров Воронежской области. Встречи и беседы с партийными и советскими работниками района, с председателями и членами правлений колхозов, с рядовыми колхозниками привели меня к мысли, что наши писатели односторонне и поверхностно показывают конфликты из жизни деревни, только как конфликт с отставшим от жизни, зазнавшимся председателем колхоза. Недостатки у председателей колхозов, конечно, есть! Часто их ошибки исправляют рядовые колхозники. Но все же чаще колхозники во главе со своими председателями, партийными и советскими работниками ведут ожесточенную борьбу с пережитками старого в своем сознании, и особенно в сознании отсталой части крестьян. Это старое проявляется в самых разнообразных формах, и прежде всего в попытках отдельных колхозников пренебречь работой в колхозе, подменить заботу о колхозе заботой о приусадебном участке. Такие люди идут на работу в колхоз только потому, что обязаны отработать минимум трудодней. Но сколько инициативы и изобретательности они проявляют на своем приусадебном участке, сколько находчивости в реализации продукции, в более выгодном сбыте ее! В этой борьбе побеждает новое. «Приусадебцев», как я их назвал бы, год от году становится меньше.

Но они еще есть, и их надо изобличать со всей силой сатирического искусства. В 1953 году я хотел бы увидеть такие образы отрицательных типов, чтобы они стали нарицательными именами, такими, к примеру, как Горлов из «Фронта» А. Корнейчука. Его имя стало нарицательным, ибо в нашей армии (и не только в армии!) есть еще люди, которые овладение делом, техникой пытаются подменить «горлом», чинами, заслугами. В нашей стране есть еще горловы, «приусадебцы», лодыри, ротозеи, спекулянты, всезнайки. Долг писателя — смелее разоблачать их в литературе.

Подполковник **Ф. КУЗНЕЦОВ**

ПЕТРОЗАВОДСК

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ПИСАТЕЛЕЙ

М. АЛИГЕР

Год назад я писала в «Литературной газете» о том, что работаю над книгой стихов о строительстве нового здания Московского университета на Ленинских горах. Могу ли я считать свое обязательство выполненным сейчас, когда в одиннадцатой книжке журнала «Знамя» напечатано 16 стихотворений под общим названием «Ленинские горы»? В значительной мере, да, но я, разумеется, должна буду еще работать. Впереди еще много встреч и впечатлений, и самое важное — встреча на площади перед главным зданием, когда сольются в одну неразделимую счастливую толпу строители, ученые и студенты.

Естественным продолжением работы над «Ленинскими горами» будут стихи о жизни Московского университета, о науке, о тех, кто ее двигает, о тех, кто ею овладевает. Уйти от этой чудесной и глубоко поэтической темы я уже не могу и не хочу.

Наряду с этими дальними, хотя и точными планами на будущее, есть у меня и более близкие по времени — книга «Орлиный залет», о советском Крыме, о многообразной трудовой жизни этого края. Эту работу я надеюсь завершить в наступающем году поэмой о строителях Северо-Крымского канала.

А. ВОЛОШИН

Мне хотелось бы сообщить в свою писательскую газету о работе за год. Закончил, как предполагал, вторую часть «Дальних гор», но для этого пришлось переделать коренным образом опубликованную в 1951 году первую часть. Только что закончил пьесу о шахтерах-новаторах — первый свой драматургический опыт. Приступил к работе над документальной повестью о шахтере-комбайнере Ленинского рудника, лауреате Сталинской премии А. Чусовлянове.

В. ЗАКРУТКИН

Мною давно уже задуман большой роман-эпопея о нашем великом времени. На протяжении ряда лет я собирал материалы.

Мне хочется написать книгу, в которой было бы показано, как под воздействием новых условий жизни наш человек освобождал себя от свирепой, мрачной власти земли и вещей, от эгоистических черт индивидуализма, от тысячелетней веры в бога, как он мужал, хорошел, закалялся, как познал радость, красоту и силу коллективного труда.

Очень хочется рассказать в этой книге о последовательной борьбе советского правительства за мир во всем мире, о благородной работе наших дипломатов, о том, как светлая идея коммунизма вдохновляла и вдохновляет на борьбу все новые массы людей за рубежом...

Осенью надеюсь закончить первую книгу романа.

Г. ЛЕБЕРЕХТ

В 1952 году я работал вместе с писателем Ф. Эйнбаумом над новой пьесой. Пьеса почти окончена. В ней рассказывается о судьбе людей небольшого торфобрикетного предприятия.

Одновременно я продолжаю писать роман «Город на тракте», посвященный людям сланцевого бассейна в Эстонии. Материал романа представляется мне во многом подходящим для фильма, и я параллельно работаю над сценарием «Счастье Андруса».

Б. МЕЙЛАХ

В прошлом году я продолжал заниматься темами, связанными с изучением классической русской литературы. Мною окончательно завершена работа над монографией о Пушкине и его эпохе — итог многолетних исследований. Вместе с тем я работал над вопросами эстетики и специфики литературы в свете труда товарища И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Некоторые результаты этой работы изложены в докладах, прочитанных недавно в Москве и Ленинграде, и в нескольких статьях.

В 1953 году вместе с другими литературоведами я буду участвовать в подготовке сборника — о проблеме типического в связи с задачами, поставленными перед литературой XIX съездом партии. Кроме того, я участвую в подготовке девятого тома «Истории русской литературы» и в редактировании и составлении трехтомного сборника «Русские писатели о художественном творчестве».

Н. НОСОВ

В 1952 году я работал в новом, непривычном для меня жанре, а именно, писал пьесу «Два друга» по моей повести «Витя Малеев в школе и дома». В настоящее время эта работа закончена.

Кроме этого, я написал несколько рассказов и начал работу над новой книгой для детей младшего возраста «Приключения Незнайки и его товарищей». Это повесть-сказка с большим количеством комических персонажей и веселых приключений. Работу над этой сказкой я закончу в 1953 году. Как и в прошлые годы, в новом году буду писать рассказы из жизни наших советских ребят — пионеров и школьников.

А. ПЕРВЕНЦЕВ

Вышла в свет моя книга очерков «В Исландии». Закончен и сдан в производство сценарий «Герои Шипки».

Летом 1952 года я побывал на Черноморском флоте, участвуя в учебном походе. Это было продолжением знакомства и дружбы с моряками-черноморцами, знакомства и дружбы, установившихся во время войны и в послевоенные годы. Впечатления о пребывании во флоте побудили меня написать книгу о советских моряках, их жизни в мирной обстановке. Это будет роман «Матросы», который я рассчитываю закончить в первой половине года.

Параллельно продолжаю писать давно начатый мною роман о рабочем классе — «Москва». Надеюсь к осени подготовить рукопись к печати.

Продолжаю работать в области кинодраматургии. Взялся за трудную для меня тему: 1812-й год, блестящее по своему стратегическому замыслу контрнаступление Кутузова.

МИНОВАЛ ГОД...

ПОЧИН СТАЛЕВАРОВ

Кирилл КОСЦИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Степан Михайлович Мартынов пришел на работу, как обычно, за полчаса до начала смены.

Якименко стоял перед печью. Широко расставив ноги, нагнув голову, он разглядывал пламя сквозь прикрепленные к козырьку синие очки.

Степан Михайлович застегнул на все пуговицы спецовку, выпрямился и, придав лицу самое устрашающее выражение, пошел к Якименко тяжелой походкой.

— Что, не утерпел все-таки? — начал он. — Дня подождать не мог?

Якименко повернул к нему широкое, опаленное нестерпимым жаром лицо и неожиданно рассмеялся.

— Ты что это, Степан Михайлович? Или с женой не поладил?

Только на секунду встретился Мартынов с черными веселыми глазами Якименко. Раздражение, преследовавшее его с утра, с той самой минуты, как раскрыл он газету и на первой полосе прочитал отчет о выступлении Якименко, все приготовленные слова разом испарились, как испаряется вода, попавшая на раскаленный слиток стали.

— Сумасшедший... Как есть — сумасшедший. Завод обязуется за год сверх плана двадцать пять тысяч выдать — и он туда же! И он двадцать пять!

— Брось, Степан Михайлович, — спокойно ответил Якименко. — Ведь вместе с тобой со всех сторон обсосали это дело. Зачем к старому возвращаться?

— Обсосали... — передразнил его Мартынов, снова раздражаясь. — Я говорю, подумать надо, прикинуть, с другими участками поговорить. А он бах — на конференции выступил! Бах — в газету написал! Обязательства брать — дело простое. А вот выполнять их кто будет?

— Мы с тобой и выполним, — опять улыбнулся Якименко. — Только ты не робей, Степан Михайлович.

— Сталь у тебя перекипает, — наливаясь кровью, прокричал Степан Михайлович. — Не видишь? Плавку давно выпускать пора! Тоже мне, сталевары...

И все время, пока бригада Якименко выдавала сталь, а заступившая уже бригада Мартынова заправляла печь для новой плавки, Степан Михайлович недовольно бурчал о молодежи, за которой надо постоянно присматривать. Главной причиной его недовольства было все то же — выступление Якименко на партийной конференции и его статья в газете, в которой от имени всех трех бригад, обслуживающих десятую печь, он брал неслыханное обязательство.

Мартеновское производство... Огромный цех, похожий на узловую железнодорожную станцию, беспрерывная толчея паровозов, составов с рудой, гигантские ковши, проносящие над головой расплавленный чугун... Ясно, что развернуться тут трудно и всякие заминки неизбежны; то задержится состав с шихтой, то не успеют собрать изложницы, то занят разливочный ковш. Ну, и потерпи. Не одному тебе приходится ждать. И без того ни на одной печи не получают такой высокой прогрессивки!

Якименко не хотел ждать и минуты.

— А ты знаешь, что такое одна минута? Это пятьсот пятьдесят, почти шестьсот килограммов стали!

Кто ж с тобой будет спорить? Арифметика — это только арифметика. Не больше, не меньше. А есть еще цех, есть производственные условия. И так у нас в прошлом году больше половины плавок были скоростными!

— Какие же это скоростные плавки? Ты сварил сталь за восемь часов вместо десяти, а потом ждешь тридцать, а то и все сорок минут, пока подадут тебе состав под разливку. И время все идет к чертям и сталь уж не та.

Это, конечно, так. Уж очень часто подводят тебя то железнодорожники, то участок разливки, то доменщики...

И к тому, что Якименко определил термином «комплексное соревнование», Степан Михайлович отнесся сочувственно.

Правильно! Пусть все участки чувствуют ответственность за каждую плавку. Пусть начальник цеха установит такой график, чтобы печи выдавали сталь через равные промежутки, а не вдруг, гуртом, сразу две или три.

Но когда Якименко пришел к Степану Михайловичу со своими подсчетами, с целым листом бумаги, сверху донизу исписанным цифрами, и когда он назвал эту цифру — на двадцать пять тысяч тонн больше, чем прошлогодний рекорд, тут Мартынов не выдержал.

— Что? Двадцать... — У Степана Михайловича перехватило дыхание. — С ума ты сошел!

— Ну, постой. Ведь смотри, что получается...

И Якименко снова начал читать свои цифры.

— Нет, уж это ты постой, Семен Семенович, — оборвал его Мартынов. — Одно дело, что двадцать пять тысяч мы, может статься, и дадим. Если уж все будет, как по написанному. Ну, а с обязательством надо бы погодить... Чтобы потом на весь завод не опозориться.

И все-таки этот парень сделал по-своему. И Небылицын Лешка — совсем еще мальчишка, год назад в подручных ходил — и тот туда же. Дадим, да, дадим!

* * *

18 января 1952 года в «Правде» появилась статья Якименко: «Варить сталь только скоростными методами». К этому дню в цехе уже широко развернулось комплексное соревнование. Вызов Якименко приняли доменщики и железнодорожники, ремонтники и шихтовики, копровый цех и цех слябинга. Триста тридцать бригад включилось в соревнование только на «Запорожстали»! А после статьи в «Правде» стали приходить письма от сталеваров Магнитки и Кузнецка, из Макеевки и Жданова, из Енакиево и Днепропетровска...

На заводском слете стахановцев выступил Хромых, парторг Центрального Комитета партии на заводе.

— Переоценить значение комплексного соревнования невозможно, — сказал он. — Только из той сверхплановой стали, что дадут стране Якименко, Мартынов и Небылицын, можно будет изготовить свыше пятнадцати тысяч автомашин. А сколько стали дадут нам другие сталевары? А сколько дадут мартеновские цехи других заводов, уже подхвативших почин наших сталеваров?

Мартынов вначале представлял себе комплексное соревнование таким образом: десятая печь будет варить только скоростные плавки. Для этого все материалы, все оборудование будет предоставляться ей вне всякой очереди. Нужна шихта? Вот вам шихта. Нужен чугун? Получайте чугун. Подошло время выдачи? Вот вам состав изложниц, вот разливочный ковш; нет нужды, что на пятой или четвертой печи закончили плавку на десять минут раньше. Ведь там обычная плавка, а у нас скоростная!

Но скоростные плавки, одна за другой, пошли и на пятой, и на четвертой, и на третьей печи. Весь цех стал работать иначе: спокойнее, ритмичнее и, главное, производительнее!

Тимофей Торгашев выдал плавку за семь часов вместо десяти по норме и снял девять тонн стали с квадратного метра пода. Девять тонн! Это был неслыханный рекорд

За металл

Кировец

Металлург

Мартеновка

Ответ сталевару П. Соловьеву

Днепровский металлург

Новый успех сталевара С. Якименко

съема. Через несколько дней его обошел Павел Хохлов: шесть часов пятьдесят минут и почти десять тонн с квадратного метра.

Потом Яковлев, Гречишников, Заяц, Маковский... Один за другим выдвигались на первый план все новые и новые сталевары.

Мартынов стал волноваться:

— Заварил ты кашу, Семен. Теперь ни нам, ни другим покоя не будет.

— А ты спокойнее, Степан Михайлович. Ты за рекордами не гонись. Нам не рекорды нужны, а постоянная высокая выработка.

И Якименко принимался развивать свою теорию «термического удара».

Странный он все-таки человек! Все инженеры в один голос говорят: хромомагнезитовый свод держать при температурах свыше 1.700° нельзя. Свод быстро изнашивается, начинает скалываться, теряет стойкость. Избегайте высоких температур! — говорят инженеры.

А Якименко — свое: не высоких температур боится хромомагнезит, а резких перепадов — «термических ударов»! Поэтому — экономь тепло! Не остужай печь! Экономь время — каждую минуту. Чем выше термическое напряжение печи, чем больше даем мы скоростных плавок, тем лучше сохраняется печь, тем дольше длится «кампания» — период от одного холодного ремонта до другого.

В марте были подведены первые итоги соревнования: есть уже восемь тысяч тонн стали сверх плана! Есть уже триста тысяч рублей экономии! Все плавки были скоростными, и средняя продолжительность их на полтора часа меньше прошлогодней.

— Ну, убедился? — спросил Якименко.

— Цыплят по осени считают, — осторожно ответил Мартынов. — Видал вон: два крана поставили на ремонт. Прижмут они нас.

В апреле-мае тылы действительно «прижали» десятую печь. Вместо двух часов по норме, на завалку уходило теперь три, а то и четыре. Вася Патрушев, машинист завалочной машины, работал за троих. Огромный шток его машины, похожий на ствол дальнобойной пушки, подхватывал мульды, наполненные рудой или известняком, и с удивительной легкостью запихивал их в пламенный зев печи. И все же одна машина не могла заменить двух...

Сталевары экономили на заправке, на плавлении, на доводке. Когда печь встала на холодный ремонт, бригада ремонтников перебрала печь в рекордный срок — всего за шесть дней!

И опять итоги полугодия были неожиданно хороши: еще шесть тысяч тонн.

Но тут начались новые неприятности.

Это, конечно, хорошо, когда из Магнитки, из Сталинска приходят газеты, в которых пишут о почине запорожцев, о распространении опыта Якименко и Мартынова. И хорошо читать о том, что магнитогорцы, например, резко увеличили съем стали, что у них все больше и больше скоростных плавок. Но вот узнать, что брака у них меньше, чем на десятой печи, — это не совсем приятно...

А за второй квартал победа в соревновании металлургов была присуждена сталевару завода «Серп и молот» Петру Соловьеву. По качеству плавок, по экономии материалов, по среднему съему стали он намного обогнал запорожцев.

Мартынов разволновался не на шутку.

— Все! — Он решительно взмахнул кулаком. — Не обгонят нас. Не дадимся!

* * *

Пятьдесят второй год подходил к концу. Со всех металлургических заводов страны приходили победные вести. В мартеновском цехе завели правило: заводские газеты с известиями о достижениях сталеваров вывешивались на видном месте, возле цехового партийного бюро.

Год назад, подводя итоги своим успехам и промахам, обдумывая свои обязательства, Семен Семенович Якименко имел в виду одну только небольшую, скромную цель: улучшить работу своей печи, своего цеха...

Сейчас, раскрывая свежую газету, читая многочисленные письма от далеких, не знакомых ему людей, Семен Семенович не мог сдержать в себе радостного, волнующего удивления: как всколыхнулись, как откликнулись на его призыв мартеновцы, доменщики, прокатчики всей страны...

Удивительное дело! Меньше двенадцати месяцев прошло с того январского дня, когда в «Правде» на первой странице появилась статья Якименко. Но какими событиями был насыщен этот короткий, пролетевший, как день, напряженный год. Неузнаваемым стал цех. Неузнаваемо изменились люди. Леша Небылицын — вчерашний подручный — стал опытным сталеваром. Павел Хохлов, весельчак и рубаха-парень, установил новый мировой рекорд — плавку за пять часов вместо десяти по норме.

А на других заводах? Какие мастера выросли на других заводах!

Сталевар Сталинского металлургического комбината Григорий Клименко дал пять тысяч тонн сверхплановой стали. Макеевский сталеплавильщик Николай Лепешкин опередил его на две тысячи тонн. Девять тысяч тонн выдала печь Романа Нехорошева в Кузнецке. Еще больше дали «азовстальцы» — Гололобов, Мазалов, Шкурат. Огромной производительности добился и москвич Петр Соловьев.

Год назад запорожские сталевары посеяли чудесные зерна инициативы, технической смелости, тонкого, умного расчета. Теперь они собирали урожай: тысячи, многие десятки тысяч тонн сверхплановой стали получила страна. Тысячи, десятки тысяч автомобилей, станков, комбайнов, паровозов, экскаваторов сработают из нее наши машиностроители. Еще сильнее, еще богаче станет наша Родина в наступившем пятьдесят третьем году!

30 декабря в партийном комитете «Запорожстали» подводились итоги соревнования за истекший год. Иван Ильич Хромых — парторг ЦК — прочитал цифры: одна только десятая печь выдала сверх плана двадцать шесть с половиной тысяч тонн. На топливе, на составе шихты, на вспомогательных материалах Якименко, Мартынов и Небылицын сэкономили почти миллион шестьсот тысяч рублей.

— Чудесные результаты! — сказал Хромых, обводя присутствующих взглядом. — Изумительные результаты! И от всей души поздравляю вас...

Он пожал руки сталеварам и вдруг опять обернулся к Якименко.

— Ну, а как в будущем году, Семен Семенович? Думали о новых обязательствах?

Якименко вытер ладонью губы.

— А скажите, Иван Ильич... Сколько должны мы дать стали, чтобы выполнить задачу, поставленную товарищем Сталиным? Помните — девятого февраля сорок шестого года... Шестьдесят миллионов тонн стали...

— О других не скажу, но думаю, что для этого, например, ваша печь должна дать на тридцать, тридцать пять тысяч тонн больше, чем в этом году.

— Тридцать пять тысяч? — Якименко взглянул на Мартынова, и в его глазах мелькнула веселая искорка. — В пятьдесят третьем году мы решили дать на сорок тысяч тонн больше плана.

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЕЛЬЕТОН

Враги природы

Антона Павловича Чехова волновал вопрос об оскудении охотничьих угодий. В рассказе «Свирель» старый пастух Лука Бедный с душевной болью, горько усмехаясь, говорит: «Удивление!.. И куда оно все девалось? Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева — туча-тучей! Бывало, съедутся господа на охоту, так только и слышно: пу-пу-пу! пу-пу-пу! Дупелям, бекасам да кроншпилям переводу не было, а мелкие чирята да кулики все равно, как скворцы или, скажем, воробцы — видимо-невидимо! И куда оно все девалось!»

Лука Бедный смутно догадывается, что оскудение «живности» в природе как-то связано с гибелью лесов: «И леса тоже... И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растет. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди — так без конца-краю, покеда ничего не останется».

«Свирель» написана в 1887 году. Десять лет спустя, в 1897 году, А. Чехов снова пишет об оскудении природы в пьесе «Дядя Ваня». На этот раз «болельщиком» природы выступает образованный человек, доктор Астров. Так же, как Лука Бедный, доктор Астров утверждает, что исчезли дикие козы, лоси, глухари, лебеди, пропадает всякая птица, которая раньше «носилась тучей».

Доктор Астров говорит: «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Лесов все меньше и меньше... дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее».

Если бы в наши дни чеховские герои Лука Бедный и доктор Астров могли обозреть все, что делается на советской земле, они, пожалуй, не поверили бы глазам своим! Не погибли птицы и звери, не вывелась рыба! Зеленеют, шумят, тянутся к небу и солнцу необъятные леса! Во многих местах, превращенных до революции браконьерами в «зону пустыни», сегодня можно заниматься спортивной охотой, там есть что пострелять.

В Московской области, благодаря многолетнему запрету и охране, развелись исчезнувшие было глухари, тетерева, белые куропатки, барсуки, белые хори, косули. В некоторых районах Калининской области размножились начисто выбитые до революции куницы, рыси, горностаи. Такая же картина наблюдается в других областях.

И все-таки... Побывайте на охотничьих собраниях, совещаниях, конференциях, послушайте беседы охотников, рыбаков, и вы нередко услышите, как все еще звучат минорные нотки о том, что птицы стало меньше, убывает зверь, исчезает рыба: «Вот там-то я был лет двадцать назад, тетерева было видимо-невидимо, а ныне ездил — все утро без выстрела...»

Кто же тут виноват? Где причины подобных печальных наблюдений? Причины эти — пережитки старого сознания, основанного на циничной формуле: «После нас хоть потоп!» В честной семье наших охотников не вывелись еще хапуги, бодро шагающие по лону природы с подленькой мыслью: «На наш век хватит!»

Такой думает лишь о себе, свято блюдет только собственные интересы. Грубая нажива и корысть руководят им. Что для него природа? Богатейшая кладовая, не запертая на замок, — в нее можно залезть!.. Птица, рыба, зверь — «божий дар». Хватай, бери как можно больше!

Этот хищник не знает удержу ни в чем, на каждом шагу попирает советские законы, не признает охотничьей этики. Если вы за неделю до августовского открытия охоты по перу услышите пальбу на болоте, на озере, на заливах Рыбинского моря или в лесу, не удивляйтесь: это он вышел на промысел!

Спросите его, почему он стреляет до срока? Хапуга ухмыляется: «Когда все тронутся, много ли возьмешь? А сейчас я один, и кругом все мое!»

В августе нельзя бить старую самку глухаря и тетерева. Но если вы увидите этих птиц в его ягдташе и возмутитесь, он спокойно ответит: «Стрелял, понимаете ли, сквозь кусты. Разве тут разберешь, старая или молодая птица летит?» Не верьте ему! Он лжет!

В июле он выходит на болото с гончей собакой, натренированной ловить утят-хлопунцов. Набив мешок дичью, отправляется на ближний базар.

Если вы вздумаете пристыдить его, он даже возмутится: подумаешь, обеднела природа!

Весною разрешается бить селезней. Настоящие охотники выходят к водоему с подсадной уткой, подманивают и стреляют одних самцов. Хищника это не устраивает. Он хлещет дуплетами по пролетным утиным табунам, валит селезней и уток, причем уток сшибает гораздо больше.

Зайца браконьер начинает бить за месяц до открытия охоты. Если вы застигнете его в лесу и спросите, в чем дело, он ответит: «Наганиваю молодую собаку». А ружье? Ну, ружье он взял с собой на всякий случай. Вдруг волк наскочит! А почему заяц лежит в рюкзаке? Заяц не стреляный. Зайца догнала и придушила ретивая собака. Не бросать же беляка на съедение воронам!

Ему ничего не стоит убить в запрещенное время, в запрещенном месте любого зверя! Он свалит без лицензии соболя и енота, выдру и бобра. Он в глухом районе, где слаб надзор, свалит двадцатипудового лося и продаст мясо на базаре.

Когда же схватят его на месте преступления, он начнет лить крокодиловы слезы, громко каяться. Он же согрешил впервые! Он даже сам не знает, как вскинул ружье к плечу, как нажал гашетку. Виновата охотничья страсть! Он был, как в чаду!.. Не верьте. Нет у него никакой страсти, кроме страсти к наживе!

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

Зимой он выезжает на промысел на грузовой или легковой машине. У него сделано специальное приспособление: огромная фара. Заяц, лиса и енот, ослепленные светом фары, прижимаются к снегу и лежат, как под гипнозом. Хапуга бьет без промаха. За ночь он возьмет этим запрещенным способом десятки зверей.

В степных областях и районах он гоняется на машине за дрофами, сайгаками, лисицами в любое время года.

Однажды в августе на Московском море мы стреляли уток на перелетах. Вдруг над заливом появилась огромная стая скворцов. Их было до тысячи. Стая делала круги над заливом. В кустах оказался хулиган с ружьем. Когда скворцы пролетали над его шалашом, он делал дуплет. Падали десятки скворцов! «Охотник» даже не подбирал сбитых птиц, они были не нужны ему!

Рыбу глушат взрывчаткой в равной мере хулиганы и хапуги. И те и другие истребляют миллионы мальков, наносят громадный ущерб рыбному хозяйству.

В Костромской области — в некрасовских угодьях — есть озеро Великое. Весною Волга заливает озеро. Крупная рыба здесь мечет икру. Зимой Великое промерзает до дна. Мальки инстинктом чувствуют, что зимовать в таком водоеме опасно. Перед заморозками малек всей массой устремляется из озера по ручью в реку Костромку. И тут осенний ход малька стережет хапуга. В ручье устанавливается желоб. Под желобом — сачок. Рыбешка самоходом сползает в незамысловатую снасть браконьера. За день хапуга вычерпывает до ста пудов малька! Миллионы будущих осетров, стерлядей, севрюг, судаков, сазанов погублены зря! Хапуга кормит мальками кур, поросят, домашних уток, гусей, удобряет огород!

* * *

С хапугой и хулиганом на лоне природы следует вести постоянную, упорную борьбу. Новых законов не нужно. Хороши те, что есть. Нужна лишь строгая проверка исполнения существующих советских законов, нужно активизировать деятельность милиции и общественности.

Слишком много сил и творческого горения тратим мы на улучшение и украшение природы, чтобы позволять истреблять ее и обезображивать!

Иван АРАМИЛЕВ

Миллионы советских людей овладевают сельскохозяйственными знаниями

Создать обилие продовольствия для народа и полный достаток сырья для быстро растущей легкой промышленности — такую задачу поставили партия и правительство перед колхозами, машинно-тракторными станциями и совхозами.

Для осуществления этой задачи требуются новые тысячи и тысячи специалистов сельского хозяйства. В стране растет сеть сельскохозяйственных институтов. Их уже — 99, сотый по счету институт откроется в нынешнем году в Красноярске. Тяга к приобретению знаний настолько велика, что большинству институтов пришлось создать заочные отделения для практиков, работающих в сельском хозяйстве.

Всего в сельскохозяйственных институтах учится сейчас 132.600 студентов, включая заочников.

Но это только небольшая часть советских людей, овладевающих различными сельскохозяйственными специальностями. Учатся сотни тысяч трактористов, колхозных бригадиров и звеньевых, учатся председатели колхозов, члены правлений.

По подсчетам, сделанным в Министерстве сельского хозяйства СССР, количество слушателей различных курсов, школ, сельскохозяйственных техникумов и т. д. до конца нынешнего года превысит три с половиной миллиона человек, причем наибольшее количество слушателей будет на трехлетних агрономических и зоотехнических курсах.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СОБИРАТЬ ДРЕВНЕРУССКИЕ РУКОПИСИ»

Под таким заголовком в № 86 «Литературной газеты» за 1952 год было опубликовано письмо научного сотрудника Института русской литературы Академии наук СССР В. Малышева. Он сигнализировал о плохой работе по собиранию древних рукописей. В связи с этим в редакцию поступило большое количество откликов от лиц самых разнообразных профессий — ценителей русской старины.

В письмах отмечается необходимость усиления и координации работы по собиранию древнерусских рукописей, а также древних рукописей братских народов Советского Союза.

Многие учреждения, заинтересованные в сохранении для науки ценных исторических документов, обсудили письмо тов. Малышева и прислали в редакцию «Литературной газеты» свои соображения и пожелания. Среди них — Институт истории Академии наук СССР, коллектив отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Архив Академии наук СССР и другие. В письмах подчеркиваются большая научная значимость и своевременность поднятого тов. Малышевым вопроса.

Представляется странным, что безучастным к поднятому вопросу остался лишь Институт русской литературы Академии наук, руководству которого тов. Малышев адресовал серьезные упреки в «нерадивом отношении к сбору рукописного материала».

Не сказали также своего слова Комитет по делам культпросветучреждений при Совете Министров РСФСР и Археографическая комиссия Академии наук, призванные организовать и возглавить работу по отысканию ценных рукописных памятников.

А сказать необходимо.

«О ПЕРЕДВИЖНЫХ ТЕАТРАХ»

В № 99 за 1952 год была опубликована статья Ю. Дашевского «О передвижных театрах», где говорилось о слабом внимании и помощи со стороны Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР к передвижным театрам Ленинградской области.

В ответ на статью Ю. Дашевского начальник Главного управления драматических театров Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тов. Северин сообщил редакции, что Управлению театров Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР поручено изучить на месте состояние передвижных театров Ленинграда и оказать этим театрам необходимую помощь.

Кроме того, Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР передал Ленинградскому гастрольному, Драматическому и Малому драматическому театрам постановочное имущество с балансов театрально-зрелищных предприятий союзного подчинения на сумму 90.000 рублей.

Польский ансамбль „Мазовше" в Москве

Вчера в Москву по приглашению Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР прибыла новая большая группа польских артистов — Государственный ансамбль песни и пляски «Мазовше» в составе 136 человек во главе с художественным руководителем композитором проф. Т. Сыгетынским и балетмейстером проф. Е. Паплинским.

Творчество талантливого польского народного ансамбля, в составе которого рабочая и крестьянская молодежь, отобранная из кружков самодеятельности городов и сел Мазовии (одна из центральных областей Польши), памятно москвичам по гастроли, совершенной ими весной 1951 года. В своих выступлениях в концертных залах и клубах столицы ансамбль «Мазовше» познакомит зрителей с польским песенным и танцевальным искусством.

Одновременно с ансамблем в Москву приехали солистки польской филармонии лауреаты международных конкурсов: пианистка Г. Черны-Стефаньска и скрипачка В. Вилкомирская, получившая на конкурсе имени Венявского в 1952 году вторую премию.

ПРЕМИИ ИМЕНИ ДЖАМБУЛА

АЛМА-АТА. Совет Министров Казахской ССР принял постановление о присуждении премии имени Джамбула за лучшие произведения литературы.

Первая премия в размере 20 тысяч рублей присуждена писателю П. Кузнецову за повесть «Джамбул, внук Истыбая».

А. БАРТО

О СТИХАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Из записной книжки писателя

Образ советского ребенка с его типическими чертами первый создал в поэзии Владимир Маяковский. Он прекрасно понял богатый внутренний мир советских детей, у которых глубина мысли удивительно сочетается с детской непосредственностью. Маяковский говорит с детьми с уважением, без всякой умильности и вместе с тем тепло, я бы сказала, нежно. Но его голос звучит по-другому, сердито, обличающе, когда разговор идет о том, «что такое плохо». Маяковский не боится показывать детям жизнь во всей ее сложности, он раскрывает перед ними глубокие социальные противоречия. Беспощадно зло он высмеивает бездельника Петю Буржуйчикова в сатирической «Сказке о Пете, толстом ребенке и о Симе, который тонкий».

Дрянь и Петя
и родители:
общий вид их отвратителен.

А какой ясный, утверждающий «из сказки вывод»:

Полюбите, дети, труд —
как написано тут.
Защищайте
всех, кто слаб,
от буржуевых лап.
Вот и вырастете
истыми
силачами-коммунистами.

По примеру Маяковского, лучшие детские поэты говорят с ребенком о главном, умеют донести до его сознания большую политическую мысль. Можно смело сказать, что в советской поэзии создан обаятельный, взятый из жизни, типический образ маленького гражданина-патриота. Существуют в ней и сатирические образы, которые служат для детей примером того, каким не надо быть.

Но мне кажется, что в последнее время и положительным и отрицательным образам в детской поэзии одинаково не хватает остроты. Даже у Маяковского дети в издании Детгиза неожиданно становятся похожими один на другого. Например, в книжке «Что такое хорошо и что такое плохо» художник А. Пахомов сглаживает острые характеристики, данные поэтом. Плохой мальчик на рисунке отличается от хорошего только аккуратными грязными полосами на лице. А Пахомов — великолепный мастер, но с его иллюстрациями к стихам Маяковского нельзя согласиться.

Возьмем несколько детских книжек из числа недавно изданных. Похожие друг на друга, как две капли воды, девочки и мальчики переходят из книжки в книжку, от одного автора к другому. Получается не типичность, а какая-то однотипность героев. Образ не вырастает, не развивается, — он становится не образом, а образцом.

Наша юная дружина —
Девяносто пять ребят.
Все работы хороши нам,
Всюду наш хозяйский взгляд.
Мы отличники —
еще бы!
Разве можно без учебы?!

(Виктор Гончаров. «Хороши малыши». Краснодар. 1952 г.)

Ольга Высотская — опытный, способный поэт, но вот как звучат в ее книжке слова ребенка:

Пусть я моложе,
Ну так что же?
Быстро дни пролетят —
Смелым пилотом
Стану я тоже,
Стану, как старший брат.

(О. Высотская. «Горнист». Детгиз. 1951 г.)

Я умыта и одета,
Чай допью, доем конфету
И пойду скорей в детсад,
Чтобы ехать на парад.

(Л. Коростина. «День рожденья» гор. Чкалов. 1952 г.)

Мы танцуем, мы играем,
Водим дружный хоровод.
Мы поем, стихи читаем
Про веселый Новый год.

(Н. Глейзаров. «Наши праздники». Детгиз. 1952 г.)

Можно было бы, к сожалению, привести немало таких стихов, появившихся в журналах и книгах. Без всякой живой интонации, в вялых строчках, гладких и ровных, дети сообщают, какие они бодрые, энергичные, как они себя хорошо ведут. В стихах нет никаких характеристик, нет и настоящего знания жизни детей, оно заменено поверхностными наблюдениями, готовыми выводами.

Даже названия книг стали похожи одно на другое: «Под ясным солнцем», «Солнечный край», «На солнечном берегу», «Солнечное утро», «На солнечной земле», «На солнышке»... Представьте себе ребенка, которому в день рожденья подарили сразу шесть таких книжек. Тут недалеко и до солнечного удара!..

* * *

Теория бесконфликтности, к сожалению, проникла и в детскую поэзию, потому у некоторых авторов ничто не вступает ни с чем в противоречие, дети только получают пятерки и загорают на солнечных пляжах. Может быть, действительно исчезли недостатки, и дети все до одного так милы, дисциплинированы, примерны, прилежны, как в некоторых детских стихах? Или, может быть, недостатки появляются внезапно, в день совершеннолетия, и исправлять их должны «взрослые» писатели, а не детские? Нет, даже в детском саду воспитательнице иногда приходится приложить немало стараний, чтобы избавить ребенка от эгоизма или от мещанских черточек, принесенных им из дому — из обывательской семьи. А когда речь идет о старшеклассниках, то отдельные факты говорят и о воздействии чуждых нам влияний на школьников. В третьем номере журнала «Семья и школа» классный руководитель Кучменко, педагог из Закарпатья, рассказывает, что в дневнике одного ученика записаны такие слова: «Для чего вся эта жизненная суета? Разве не для того, чтобы только обеспечить себя?». А многие поэты вообще не хотят замечать никаких отрицательных явлений в детской жизни, очевидно, поняв буквально слова Маяковского:

Если бьет
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.

Для того, чтобы детская литература служила средством преодоления недостатков, необходимо быть более смелыми в изображении ребенка. Чрезмерная осторожность только мешает делу. Мне недавно рассказали такой случай: в одной семье шестилетнюю девочку решили повести в театр, показать ей сказку. Вся семья заранее радовалась: девочка почувствует прелесть сказки, спектакль даст пищу богатому детскому воображению. Но мама, боясь, что девочка впечатлительная, сидя с ней рядом в театре, шептала ей на ухо, что баба-яга совсем не страшная, а хорошая, что это просто тетя. И волшебница тоже обыкновенная тетя, она не летает по воздуху, а ее подымают, упасть она не может, потому что в театре существует охрана труда. А волшебная палочка не сама загорается, в нее включено электричество... Когда девочка вышла из театра, она знала все про бабу-ягу и про волшебницу, даже то, какую зарплату они получают. А потом родители были огорчены, что девочку не увлекла сказка. На вопрос — понравилось ли тебе? — она ответила уклончиво: «Да, но они все были обыкновенные тети!»

Право же, и мы, поэты, бываем похожи на таких чересчур заботливых родителей. Иногда, взяв отрицательный персонаж, мы тут же стараемся доказать, что он положительный. Если речь идет, например, о мальчике-обманщике, мы торопимся объяснить, что он не очень обманывает, а только немножко, и больше никогда этого делать не будет. Если в первой строке стихотворения мальчики подрались, то даже не во второй строчке, а в этой первой они уже раскаиваются.

Подрались мы, только рядом
Пионерки очутились.
Стало стыдно нам обоим,
Мы сейчас же помирились.

(Цецилия Динерс. «Маленький рижанин». Латгосиздат. 1951 г.)

Поэты, по примеру опасливых родителей, все сгладив, смягчив, лишают ребенка всяких эмоций. Поэт не предлагает читателю забеспокоиться, проверить, нет ли и в его характере плохой черточки, а, наоборот, убеждает его, что все написанное к нему, читателю, не имеет ни малейшего отношения.

Чрезвычайно важны для детской литературы слова тов. Маленкова о типическом в искусстве: «Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее». А мы иногда делаем обратное: мы не сознательно преувеличиваем, а сознательно преуменьшаем, приглаживаем образ.

Убедительнейший пример правильного понимания типичности мы находим у Гайдара. Вспомните, как некоторые критики упрекали Гайдара, что его Тимур выдуман, не типичен, что таких мальчиков на самом деле нет. А между тем Гайдар сумел собрать и заострить в образе Тимура лучшие, наиболее характерные, увиденные им у многих ребят черты, и именно поэтому его книга явилась таким событием в литературе.

* * *

В детской поэзии критика сурово не давала права на типичность персонажам отрицательным. Попытка заострить образ часто встречалась в штыки, сколько раз слышались голоса — только положительное служит средством воспитания, на отрицательных примерах воспитывать нельзя. К счастью, подобные утверждения получали резкий отпор, но, как говорится, вода долбит и камень, какую-то роль эта критика все-таки сыграла. В последнее время редко появляются новые сатирические стихи для детей, хотя воспитательное значение их бесспорно.

Некоторые критики упорно стремились навязать автору свое примитивное понимание морали. Я на всю жизнь запомнила одну рецензию о моих стихах «Наш сосед Иван Петрович». Иван Петрович — обыватель, брюзга, дети думают, что у него какие-то неправильные очки, потому он видит все не так. Критик считал необходимым, чтобы ребенку прямо было сказано, что речь идет о пережитках старого в сознании людей. Для этого он предложил автору изменить конец стихотворения и сам сочинил четыре строчки. Вот как они звучат:

— Нет, — ответил им придира, —
Дело вовсе не в очках,
Дело в том, что в старом мире
Я родился и зачах.

Эта рецензия И. Львова была опубликована в журнале «Детская литература» очень давно, в 1940 году. Я говорю о ней не оттого, что критик обидел автора, — рецензия была вполне благожелательная. Я привожу этот пример, чтобы показать, как устойчиво, как упорно держится в течение многих лет тенденция требовать от детской книги прямого назидания, мелкого морализирования. Эта тенденция продолжает звучать и сейчас. В журнале «Дошкольное воспитание» в этом году помещена была обзорная статья О. Чувило «Книги областных издательств для дошкольников». Критик признает, что мораль не должна быть «слишком назойлива, прямолинейна, груба». Критик хвалит рассказ Н. Поповой «Зеркальные мальки» за то, что «вывод не навязывается читателю, а естественно вытекает из содержания рассказа и поэтому является убедительным для детей». Каков же этот вывод? «Хотеть хорошего дела мало... надо знать, как это сделать. Вот, ребята, какая сила — знание! Старайтесь, учитесь, растите и станете рыбоводами».

Ну разве же это не самая явная сухая сентенция, поучающая ребенка?

В «Учительской газете» от 12 апреля 1952 года в статье А. Деминой (директора 96-й московской школы) «Об интересных и неинтересных книгах» так и сказано: «Если герой имеет отрицательные черты, то следует дать умело и тонко критику его недостатков, показать, как сам герой осознал их и как боролся с ними». Статья тов. Деминой в целом верная и содержательная, тем более досадно, что она требует, чтобы герой на глазах у читателя во что бы то ни стало исправился и переродился.

Как-то в одной школе во время перемены я слышала, как мальчик лет тринадцати, вероятно, начитавшись назидательных детских книг, строго выговаривал младшему товарищу: «Ты должен осознать свои недостатки. Ты осознал? — Осознал», — скучным голосом, равнодушно отвечал мальчик.

* * *

Для советской детской поэзии типична большая тема, но самая значительная тема не дает поэту права отступать от законов построения детского стиха. Ведь у детской поэзии, безусловно, есть свои законы, она, например, особенно широко пользуется изобразительными средствами народной поэзии. В лучших стихах для детей мы находим гиперболу, повторы, звукоподражание, меткую игру слов, считалку, загадку.

Жили были
Сима с Петей.
Сима с Петей
были дети.
Пете 5,
а Симе 7 —
и 12 вместе всем.

(В. Маяковский)

Конечно, это считалка. А вот загадка:

Это кто накрыт в кровати
Одеялами на вате?

(С. Михалков)

Интересно отметить, что в этой традиции написаны своеобразные, веселые и в то же время серьезные стихи молодого итальянского поэта Джанни Родари, которые мы недавно прочли в переводах С. Маршака.

Казалось бы, основы и принципы построения современного детского стиха ясны и остаются действительными для каждой темы, обращенной к ребенку. Почему же некоторые редакторы все еще понижают требования к автору в том случае, когда он берется за большую тему, и прощают ему отход от живых источников, питающих детскую поэзию? Чем иным, как не скидкой на тему, можно объяснить, например, появление такой книжки, как «Хороши малыши» Виктора Гончарова. В стихотворении «Маленький Сусанин» разгневанный фашистский офицер, обращаясь к мальчику, восклицает:

Скоро три часа нас
Водишь лесом за нос!

Может быть, автор считает, что так как офицер — фашист, то он должен разговаривать не по-человечески, однако и мальчик герой выражается не лучше. «Улыбаясь гордо», он говорит:

— Вешай, пес фашистский,
На показ всем вывесь!
Разве я завел вас
Для того, чтоб вывесть?

Как это далеко от чистых источников народного языка! Вместо речи — литературные выкрутасы, вместо чувства — ложная сентиментальность:

Мальчик мой, любимый!
Золотые слезы
Льют седые ивы,
Шепчутся березы.

Легковесность, неточность выражения только дискредитируют тему патриотизма. Беда здесь не в литературной неопытности автора. Виктор Гончаров — способный поэт. В его книжке «Юные патриоты» (Детгиз, 1951 г.) есть мысль, ясная, поэтическая, но его новая книжка настораживает своей манерностью, вычурностью, которую иногда принимают за оригинальность, самобытность. Изысканность слога, ложный пафос нетерпимы в поэзии, особенно в детской. В ней остаются и живут только те книги, которые черпают вдохновение в нашей современности и не изменяют высоким традициям русской поэзии.

К счастью, наши лучшие молодые поэты отлично это понимают. Недавно опубликована поэма Ю. Яковлева «Подарок». Поэт горячо и молодо пишет о свойственном всем советским детям глубоком чувстве любви к великому Сталину. В поэме хорошая наблюдательность, конкретность, чистота, хорошо найден ритм поэмы, — она написана свободно, естественно. Действует в ней не какой-то абстрактный ребенок, а живой мальчик. Правда, ему недостает, мне кажется, характера более индивидуального, мешает некоторая идилличность. Поэту надо поискать для своего героя еще какие-то живые черточки и интонации советского мальчика. Но в целом поэма правдива, искренна, дышит жизнью.

* * *

Нашим детям, самым жизнерадостным читателям и зрителям, очень нужна веселая книжка, умная, острая комедия, не острословие, а подлинный юмор. У советских ребят есть веселые стихи и рассказы и хорошие, содержательные, веселые пьесы. Но иногда бывает так: автор чуть не каждую смешную фразу считает нужным подпереть такими солидными обоснованиями, что искорка смешного гаснет под непосильным грузом мотивировок. Станиславский сказал: «Проще, легче, выше, веселее». Вот первые слова, которые должны были бы висеть над каждым театром...».

Мне кажется, эти слова полностью применимы к детской поэзии, к искусству для детей.

Почему плохо работает Ленииздат

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В последнее время печать неоднократно указывала на серьезные недостатки в работе Ленинградского газетно-журнального и книжного издательства (Лениздат). Здесь вышли в свет такие неполноценные в идейном и художественном отношении произведения, как «Кубанская повесть» Г. Мирошниченко, подвергшаяся резкой критике на страницах «Правды», и книга «Две повести» К. Ванина, искажающая и упрощающая действительность. Выпуск книги К. Ванина газета «Ленинградская правда» справедливо расценила, как грубую ошибку издательства.

Выяснению причин этих неудач и срывов было посвящено одно из заседаний секретариата Ленинградского отделения ССП. Заведующий отделом художественной литературы издательства М. Смирнов в своем сообщении нарисовал сравнительно благополучную картину — он перечислил ряд вышедших в 1952 году книг ленинградских литераторов, рассказал о работе редакционного аппарата над писательскими рукописями.

Однако обсуждение показало, что для такого благодушного разговора нет никаких оснований. И. Авраменко, С. Бытовой, П. Далецкий, А. Чивилихин и другие указывали на то, что в издательстве отсутствует подлинно творческая атмосфера, нет коллегиальности в работе, редакционный совет, по существу, бездействует — ряд изданий вообще прошел мимо его внимания. С писательской организацией и ее творческими секциями издательство связано слабо, не прислушивается к мнениям и оценкам писательской общественности. Не принятые к изданию рукописи подчас возвращаются авторам без каких-либо объяснений и мотивировок.

В решении, принятом секретариатом, указывается на необходимость усиления творческой связи между издательством и Ленинградским отделением ССП. Издательство должно шире привлекать писателей к редактированию и рецензированию рукописей. Необходимо перестроить работу редакционного совета.

В этом, в общем верном, решении не хватает, на наш взгляд, еще одного пункта, адресованного на этот раз самому секретариату: слишком редко и мало занималось руководство местного отделения ССП делами Лениздата. В частности, секретариату давно было известно о бездеятельности редакционного совета издательства, однако никаких действенных мер, которые могли бы изменить положение, не принято. На «отшибе», в стороне от руководства отделения ССП живет и редколлегия «Ленинградского альманаха».

У ЛИТЕРАТОРОВ МАГНИТОГОРСКА

МАГНИТОГОРСК. (Наш корр.). Недавно состоялось собрание литературного актива города. Молодые поэты и прозаики обсудили итоги работы и задачи литобъединения.

В этом году областное издательство выпустило в свет сборник очерков и рассказов «Люди Сталинской Магнитки». В альманахе «Южный Урал» опубликованы повесть инженера А. Луковцева, рассказ врача Г. Верникова, в городской газете — несколько литературных страниц.

В городском драматическом театре имени А. С. Пушкина состоялся вечер-концерт, программа которого была составлена из произведений магнитогорских поэтов, прозаиков и композиторов.

Издание романа В. Лациса «К новому берегу»

РИГА. (Наш корр.). Латвийским издательством выпущен в свет на латышском языке роман писателя В. Лациса «К новому берегу», удостоенный Сталинской премии за 1951 год. В это дополненное издание романа включены четыре новые главы.

Новые книги

Алерамо С. Стихи. Перевод с итальянского В. Соловьева. Издательство иностранной литературы. 40 стр. Цена 60 к.

Апресян В. Время не ждет. Повесть. Трудрезервиздат. 344 стр. Цена 6 р. 10 к.

Брянцев Г. По ту сторону фронта. Повесть. «Молодая гвардия». 382 стр. Цена 7 р. 35 к.

Иванов Вс. Повести, рассказы, воспоминания. «Советский писатель». 460 стр. Цена 7 р. 25 к.

Илья Ефимович Репин. Сборник статей. Издательство Московского университета. 144 стр. Цена 6 р. 50 к.

Лидин В. Свежий ветер. «Советский писатель». 384 стр. Цена 6 р. 30 к.

Маргиани Р. На родине мира. Стихи. Перевод с грузинского. Тбилиси. Госиздат Грузии. 176 стр. Цена 3 р. 95 к.

Мозольков Е. Якуб Колас. Критико-биографический очерк. «Советский писатель». 184 стр. Цена 2 р. 65 к.

Портнягин Н. Заре навстречу. Повесть. Владивосток. Примиздат. 184 стр. Цена 4 р. 65 к.

Салтыков-Щедрин о литературе. Гослитиздат. 700 стр. Цена 10 р. 55 к.

Успенский И. Русские писатели об Америке. Госкультпросветиздат. 100 стр. Цена 1 р. 90 к.

Хикмет Н. Рассказ о Турции. Пьеса в 3-х действиях. Перевод с турецкого А. Бабаева и Р. Фиша. Стихи в переводе М. Павловой. Издательство иностранной литературы. 104 стр. Цена 2 р. 15 к.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

ЭЛИЗА БРАНКО

Сан-Пауло — один из крупнейших городов Латинской Америки — насчитывает два с половиной миллиона жителей. Это промышленный город с большими заводами и фабриками, в котором пролетариат возглавляет борьбу широких народных масс за мир и за национальную независимость. В этом городе, пока коммунистическая партия Бразилии находилась на легальном положении, коммунисты всегда одерживали победу на выборах. В этом городе происходили крупные забастовки и многолюдные манифестации, направленные против войны и американской кабалы, навязанной бразильскому народу. Несколько лет тому назад рабочие Сан-Пауло сорвали фашистскую демонстрацию, которая по замыслу ее организаторов должна была явиться «великим смотром сил интегралистов» и которая закончилась их паническим бегством.

И вот в этом городе, столь богатом славными боевыми традициями, простая бразильская мать, Элиза Бранко, подняла в 1950 году знамя борьбы против отправки бразильских солдат в Корею. Господа с Уолл-стрита потребовали тогда от бразильского правительства, как, впрочем, они требуют этого и сейчас, войск для своей кровавой интервенции в Корее, для убийства женщин и детей, разрушения городов, массового истребления мирного населения. Бразильский народ, пусть робко, но все же протестовал против этих наглых требований американских империалистов. Однако горячее стремление миллионов бразильцев к миру в те дни не вылилось еще в активную борьбу за мир.

Смелый поступок Элизы Бранко — простой женщины, матери семейства, выступившей против отправки на бойню своих сыновей и всех бразильских юношей, всколыхнул бразильский народ. Началась широкая народная кампания против отправки бразильских войск в Корею. Одновременно патриоты вели борьбу за освобождение самой Элизы Бранко, которая была брошена властями в тюрьму. И голос простых людей звучал все громче и громче.

Народные массы добились освобождения Элизы Бранко. Выйдя на свободу, она активно включилась в борьбу сторонников мира в Бразилии. Устами Элизы Бранко говорили простые люди Бразилии. В ее лице высокой награды — международной Сталинской премии мира — удостоился весь бразильский народ и в первую очередь матери, которые в Бразилии, как и на всем земном шаре, поднимая свой голос против войны, вырастают в героинь борьбы за мир.

Жоржи АМАДУ,
бразильский писатель

* * *

7 сентября 1950 года на центральной площади второго по величине города Бразилии — Сан-Пауло — было необычайно многолюдно. Здесь, на площади Аньянгабау, неподалеку от правительственных зданий, на парадных трибунах царило оживление. Людно было и на тротуарах, окаймляющих площадь. На трибунах разместились «полковники» — владельцы окрестных плантаций кофе и какао — с женами, разодетыми по последней нью-йоркской моде. Впереди них в первых рядах по-хозяйски расположились представители американской миссии. На тротуарах же, оттесняемые полицией, толпились простые жители: бастующие текстильщики всех фабрик города, рабочие крупнейшего в штате предприятия тяжелой индустрии «Металлуржика тинко С. А.», безработные, разорившиеся ремесленники.

На площади Аньянгабау происходил военный парад. Под звуки духового оркестра, исполнявшего бразильские марши вперемежку с американскими фокстротами, маршировали батальоны солдат. Для всех присутствующих — и тех, кто восседал на почетных трибунах, и тех, кто теснился вдоль тротуаров, — не было секретом, что накануне президент Дутра обещал военной миссии США послать в Корею партию бразильского пушечного мяса. Вот почему американские «друзья», стоя на трибуне, вожделенно разглядывали марширующие батальоны. По той же самой причине зрители на тротуарах крепко сжимали кулаки: они прекрасно понимали, что этот военный парад, лицемерно приуроченный властями к «Празднику независимости», представлял собою открытый смотр живого товара, запроданного бразильским правительством вашингтонским хозяевам.

Неожиданно в одном из уголков огромной площади произошло замешательство. Смолкли звуки американского фокса, сломались ряды марширующих солдат. Над площадью взвился транспарант с надписью: «Наши сыновья-солдаты не поедут в Корею!» И в наступившей тишине раздался звонкий женский голос, услышанный во всех концах затихшей площади. Женщина кричала: «Солдаты, отказывайтесь ехать в Корею. Мы не допустим гибели наших близких...»

В тот же день вся Бразилия, а позднее и весь мир узнал, что имя молодой патриотки, сорвавшей ярмарочный балаган в Сан-Пауло, — Элиза Бранко и что она работает на текстильной фабрике.

Стараясь замаскировать террор и репрессии, буржуазная демократия издавна кичится лицемерным лозунгом: «Суд скорый и справедливый». Суд бразильских гестаповцев над матерью троих малолетних детей в самом деле не заставил себя долго ждать, а американские хозяева Бразилии, несомненно, нашли его и «справедливым»: Элизу Бранко осудили на 4 года и 3 месяца тюремного заключения.

Мужественное выступление простой бразильской женщины отражало сокровенные чаяния ее народа. Природа богато одарила Бразилию, но в этой стране, обладающей почти всеми нужными человеку полезными ископаемыми, господствует страшная нищета. В некоторых штатах Бразилии из каждых ста детей восемьдесят умирают, не дожив до года; из 50 жителей один болен туберкулезом, свыше 70 процентов населения неграмотно. Бразилия находится на грани экономической катастрофы: дефицит платежного баланса достигает 700 миллионов долларов. Только монополистам Уолл-стрита страна задолжала 450 миллионов долларов. Привязанная цепями к американской военной колеснице, бразильская экономика трещит по всем швам, не выдерживая бремени подготовки к войне.

Но, несмотря на все это, правящие круги настойчиво проводят угодную Вашингтону политику. Правительство Бразилии заключило военный договор с США (правда, под давлением народных масс он до сих пор еще не ратифицирован парламентом), ввело новый закон о военной службе, по которому в армию призываются 16-летние подростки, неоднократно обещало отправить войска в Корею.

Голос Элизы Бранко, прозвучавший на площади города Сан-Пауло, был подлинным голосом бразильского народа, не желающего мириться с антинациональной политикой агентов Вашингтона.

Тюремщики подвергли Элизу Бранко издевательствам, но сломить волю народной героини и борца за мир им не удалось. Сквозь решетки тюремной камеры она сумела переслать на волю письма. Эти письма, размноженные в тысячах экземпляров, распространялись по всей стране. «Мои мысли, — писала тогда Элиза Бранко, — постоянно обращены к тысячам таких же матерей, как я... Мы растили наших детей не для войны. Мы мечтали создать для них мир счастья, равенства и справедливости и неустанно боролись за это... Какая мать допустит, чтобы ее сын погиб на полях, где иностранные войска разрушают города и убивают невинных людей?».

Призывы бразильской патриотки дошли до сердца народа. В различных городах страны простые люди гневно протестовали против террора правительства, требовали освобождения Элизы Бранко — текстильщицы из Сан-Пауло. В ее защиту высказывались общественные деятели, писатели, журналисты; под требованием об освобождении героической дочери бразильского народа подписались 29 депутатов парламента.

Послушное приказу Вашингтона правительство решило тогда полностью изолировать Элизу Бранко от внешнего мира. Под тем предлогом, что она якобы возглавила «бунт» заключенных, молодую женщину переводят в самую страшную тюрьму города Сан-Пауло и заключают в одиночку.

Однако эти новые насилия не сломили воли Элизы Бранко. Она объявляет в тюрьме голодовку, весть о которой взволновала всю страну. Тысячи подписей появились под требованием освободить славную патриотку.

Народное движение за освобождение Элизы Бранко достигло такого размаха, что Верховный федеральный трибунал Бразилии вынужден был оправдать ее. Выйдя из тюрьмы, Элиза Бранко становится одной из руководительниц Федерации бразильских женщин, она неутомимо борется за сохранение мира, активно участвует в кампании сбора подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира.

На Конгрессе народов в защиту мира в Вене, куда съехались посланцы народов всех пяти материков нашей планеты, в числе делегатов далекой Бразилии была также и Элиза Бранко. Обращаясь к делегатам героической Кореи, она воскликнула от имени женщин Бразилии: «С этой трибуны, самой высокой трибуны народов, трибуны мира и братства между людьми, я хочу заверить вас, что мы будем всеми силами бороться за то, чтобы ни один бразильский солдат не поднял оружия против вашего народа, против вашего священного права решать судьбу своей родины».

Мировая общественность с глубоким удовлетворением встретила присуждение международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Среди лауреатов премии, носящей имя великого знаменосца мира товарища Сталина, мы видим и простую женщину-мать из Бразилии — Элизу Бранко.

Николай ГАБИНСКИЙ

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРЫ ПОЧТИ С НАТУРЫ

Рис. Н. СЕМЕНОВА

БОННСКАЯ ДИВЕРСИЯ

ОРУЖИЕ В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПОСЫЛКАХ

Накануне нового 1953 года американские оккупанты и их боннские марионетки вдруг воспылали любовью... к населению Германской Демократической Республики. Как по команде, американизированная печать Западной Германии стала призывать жителей «проникнуться сочувствием» к «бедным немцам», живущим в восточной части страны, и скрасить их рождественские праздники посылками с подарками...

Само собой разумеется, подобные призывы вызвали у простых людей Западной Германии искреннее изумление. Кому, кому, но уж никак не жителям боннского царства одаривать своих соотечественников — не до жиру, быть бы живу! Куда естественнее было бы им самим рассчитывать на какое-либо воспомоществование с Востока.

Тем не менее в Германскую Демократическую Республику стали поступать посылки, причем в большом количестве. Их внешний вид говорил о том, что отправители не поскупились. И действительно, в посылках были **(см. фотоснимок слева)** и консервные банки, и пакеты с печеньем, и, как выяснилось впоследствии, многое другое...

Соответствующие власти республики, имея основания не очень-то верить в добрые чувства г. Аденауэра, вынуждены были ближе познакомиться с содержимым посылок — подозрительно много барабанного боя было вокруг них в Западной Германии, слишком неестественно обилие подарков. Выборочная проверка показала, сколь справедливыми были эти подозрения. **На снимке справа** — та же самая посылка, но уже лишенная маскировки. В соблазнительного вида пакетах находились револьверы и запасные обоймы. Такие же «подарки» содержались и во многих других посылках.

Вся шумиха с подарками оказалась коварно задуманной провокацией. Она преследовала цель, во-первых, воспользовавшись благовидным предлогом, переслать американским агентам в ГДР оружие для диверсий против немецкого народа, а во-вторых, внушить бедствующему населению Западной Германии превратные клеветнические представления о якобы «бедственном» положении населения Восточной Германии. Благодаря бдительности властей демократической республики эта диверсия врагов единства Германии скандально провалилась.

Снимки из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

Ханс ШЕРФИГ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ДАТСКОЙ ЁЛКИ

Датчане празднуют рождество. Этот традиционный праздник накладывает своеобразный отпечаток на жизнь датской столицы. Улицы украшены елочными гирляндами и сверкающими звездами. В магазинах открыты нарядные, дорогостоящие выставки. Разодетые деды-морозы с белыми ватными бородами наперебой рекламируют всевозможные товары. Чтобы привлечь внимание городских жителей, крупные торговые предприятия и магазины устраивают на улицах Копенгагена процессии и спектакли.

В век капитализма прибыль решает все. Рождество, религиозные верования, национальные традиции, радости в кругу семьи — вообще все чувства, надежды и традиции становятся при капитализме объектом безжалостной экономической эксплуатации, извлечения прибыли.

Толпясь перед освещенными окнами магазинов, дети любуются выставленными игрушками. Это игрушечные револьверы всевозможных типов и калибров. Это детские пулеметы и винтовки. Это маленькие заводные танки, которые при движении извергают огонь. Это игрушечные атомные бомбы. Это противогазы и ружья, пушки и военные самолеты. Это маленькие военные корабли, торпеды и форты. Это оловянные солдатики всех родов войск, санитарное оборудование, носилки, санитарные машины и корабли. Весь кошмар войны представлен в детских игрушках. В калейдоскоп ужасов превратил капитализм древнюю сказку о младенце-Христе и старинную мечту человечества о мире на земле и добром согласии между людьми.

На характер детских игрушек свой зловещий отпечаток наложила американская культура — культура гангстеров, которая с помощью фильмов и комиксов уже оказала растленное влияние на детские игры в Западной Европе.

Посмотрите на витрины столичных магазинов, и вы увидите между рождественскими ангелами детскую ковбойскую одежду, патронташи, лассо, черные гангстерские маски, кастеты и дубинки американских полицейских, звездочки американских шерифов и детские наручники с настоящими замками. Война, убийство и преступления — вот основа для детских игр и рождественских подарков. Это довольно ясно говорит о том, в какой атмосфере живет маленькая страна, попавшая под американское влияние.

Но дело, разумеется, не только в игрушках. Правители Дании тратят огромные средства на вооружение. Производство товаров широкого потребления сокращено, они исчезают с прилавков магазинов. В стране свыше 100.000 безработных. Строительство жилых домов и других гражданских зданий резко ограничено. Свирепствует жилищный кризис. В Копенгагене тысячи людей не имеют крова над головой. И в эти студеные зимние ночи они вынуждены спать на лестницах, в грузовиках, в вагонах, на скамейках парков, в сырых подвалах. Согласно официальной статистике, в Копенгагене ежедневно три столичных жителя кончают жизнь самоубийством.

Не хватает школ, не хватает больниц. Нет средств для работы научно-исследовательских институтов и лабораторий. Не хватает театров. Не хватает библиотек. Но было бы ошибкой полагать, что в стране прекращено всякое строительство.

Прекрасные парки Копенгагена обезображены сотнями бетонированных дотов, сооружаются бомбоубежища. Эта деятельность имеет свой зловещий смысл. Правящие круги ведут против простых людей психологическую войну: они хотят поддержать в стране чувство страха, создать панику.

Полным ходом идет милитаризация страны. Строятся новые огромные казармы, дорогостоящие склады для американских бомб и оружия, военные бараки, гаражи и ангары. Близ Копенгагена власти создают искусственный город в развалинах, предназначенный для военных учений. А в деревнях тысячи гектаров плодородных, возделанных земель превращены в военные аэродромы и учебные поля. Многочисленные хозяйства крестьян и мелких арендаторов разорены. Дома сносятся, деревья вырубаются, сады уничтожаются. Земля, которую веками обрабатывали, осушали, удобряли, теперь заливается асфальтом и бетоном. Люди, жившие на этой земле, должны покинуть свой дом и очаг.

Дания была когда-то развитой страной. План Маршалла и Атлантический пакт превратили ее в страну отсталую. Дания обладала многовековой национальной культурой. Американское влияние опошлило и американизировало культурную жизнь. В течение тысячелетия Дания была свободной и независимой страной. США превращают ее в свою колонию, в свою военную базу.

Но крестьяне не хотят, чтобы их земля была залита цементом. Городскому населению не нужны бомбоубежища на площадях и в парках. Архитекторы недовольны, что им запретили строить жилища для мирных людей. Врачи жалуются — мало больниц. Учителя требуют, чтобы старые школы были перестроены. Профессора настаивают, чтобы правительство предоставило им средства на научные исследования.

И только джентльмены из реакционной прессы, повидимому, удовлетворены существующим положением вещей. Эти журналисты пишут, что гонка вооружений ведет к укреплению мира, что военные угрозы способствуют безопасности страны, что американские солдаты — лучшая гарантия национальной независимости. Они не пишут это по убеждению, нет, они пишут то, что их заставляют писать. Они торгуют своим пером, так как в капиталистическом обществе любые способности являются товаром, который покупается и продается. Они лгут не для удовольствия. Они лгут за деньги.

В Дании провозглашена свобода печати. Считается, что все мы имеем право высказывать свои мысли на страницах книг и газет. Но в век капитализма тот, кто владеет бумагой, тот и определяет все, что на ней пишется. Вот почему свобода печати является свободой лжи. Крупные капиталистические концерны прессы лгут изо дня в день, из года в год. Радио с утра до вечера использует эфир для империалистической пропаганды. Кинотеатры с утра до вечера используют экраны для пропаганды. Все средства воздействия пущены в ход реакцией для одурманивания и запугивания народа.

И тем не менее народ сопротивляется. Он борется за мир. Постоянная, ежедневная злобная пропаганда не может внушить датскому народу жажду войны. Но эта черная пропаганда внушает страх и вносит путаницу и сомнения в сердца некоторых людей. Ложь и замалчивание создают подчас неверное представление о Советском Союзе и странах народной демократии. Я еще ни разу не встречал человека, который не был бы не согласен с требованием заключить Пакт Мира, но не все решались поставить под этим требованием свою подпись. Буржуазная пропаганда предостерегает, лжет. Все знают, что полиция ведет картотеку сторонников мира. Все знают, что имена, попавшие в эту картотеку, сообщаются в американское посольство...

Народ не разделяет мнения правительства, присоединившегося к Атлантическому пакту. Конечно, парламент одобрил этот пакт, но простые люди никогда не давали ему подобных полномочий. И если бы правительство осмелилось вынести Атлантический пакт на всенародное обсуждение, я уверен, что подавляющее большинство народа высказалось бы против военного союза с США.

Молодежь протестует против военной службы. Солдаты участвуют в демонстрациях и выносят резолюции протеста против удлинения срока военной службы. Рабочие борются против гонки вооружений и роста цен. Интеллигенция выступает против американского варварства в области культуры. Против вооружения протестуют крестьяне. Люди различных классов и различных профессий, различных политических и религиозных убеждений едины в желании прекратить безумие и спасти жизнь. Они не сходятся во взглядах на многое, но в вопросе защиты мира и национального достоинства они находят общий язык.

Грохот американской пропаганды старается приглушить голос мира. Туман невежества и обмана пытается затемнить яркий свет мира. Монополия пропаганды войны в печати и по радио, систематическое замалчивание, искажение фактов и ложь преграждают дорогу здравому смыслу. Но воля народа — это такая сила, которая значительно превосходит усилия американо-датской реакции. Даже американские агенты вынуждены признать, что сопротивление увеличивается. Датчане уже взяли однажды судьбу страны в свои руки и организовали сопротивление вопреки призывам правительства к спокойствию, вопреки пропаганде и наличию гитлеровских захватчиков. Так случится и теперь.

В последние дни 1952 года датские делегаты возвращались с Конгресса народов из Вены. Что думает рядовой человек об этом событии? Чего он ждет от него?

Он чувствует, что он не одинок в своей борьбе за мир. Он уверен, что мощь движения в защиту мира, продемонстрированная на Конгрессе народов, поможет ему добиться успеха в его собственной стране. Датчане надеются сохранить мир. И с этой надеждой они встретили новый, 1953 год.

Мы чувствуем нашу силу, потому что боремся вместе со всеми народами мира. Великий Конгресс в Вене указал нам новые пути, новые средства, новые способы борьбы за мир. В новом году мы пойдем по этому пути.

КОПЕНГАГЕН

По сообщениям печати, правительственными органами Дании создана особая картотека, в которой регистрируются лица, подписавшие Обращение Всемирного Совета Мира.

— **Знаете, Андерсен, по-моему легче было бы создать картотеку на тех, кто не подписал это Обращение!**

Рисунок Шульгофа из чехословацкой газеты «Млада фронта».

НА ИСХОДЕ 1952 ГОДА

Зимняя Вена... Бульвар... Скамья... Вот обиталище австрийца Гнезда и его семьи. На исходе 1952 года муж, жена и двое детей были выброшены из барака, где ютятся люди, не имеющие пристанища. Одна ли эта семья оказалась в таком положении? В маршаллизованной Австрии тысячи семей лишены крова.

Снимок из австрийского журнала «Вельт-иллюстрирте»

Анна ЗЕГЕРС

РАССКАЗ

БЕЛАИД ИЗ АЛЖИРА

Публикуемый нами ниже рассказ известной немецкой писательницы, лауреата международной Сталинской премии Анны Зегерс «Белаид из Алжира» входит в новый цикл ее новелл, носящий общий заголовок «Первый шаг».

Герои новелл собрались вместе после окончания международного Конгресса борцов за мир, и каждый из них рассказывает о своем первом шаге на пути борьбы за демократию, против поджигателей войны. Избранная Анной Зегерс форма позволяет ей показать, как приходят в лагерь борцов против поджигателей войны люди самых различных стран.

Цикл новелл «Первый шаг» — новый ценный вклад Анны Зегерс в дело борьбы за мир.

Белаид начал говорить медленно, потом пережитое нахлынуло на него, он отбросил смущение, его глаза и зубы засверкали:

— Когда Ахмед подрядился перебросить груз с железной дороги на корабль и собрал для этого десяток грузчиков — среди них был и я,— это значило, что придется работать до седьмого пота.

У Ахмеда был удивительный нюх, он прежде, чем кто-либо другой в Оране, узнавал, где есть виды на работу. Сам он только наблюдал за людьми, перебрасывавшими груз из вагонов на портовый кран. А наблюдение за рабочими, которые на борту снимали поклажу с крана и грузили в трюм корабля, он обычно поручал человеку по имени Эли. Как только Ахмед пронюхивал о работе, он тотчас же делился новостью с Эли, они состояли между собой в каком-то родстве, к тому же Ахмеду это было чем-то выгодно. Я был рад, что полюбился ему. Мне ничего другого не оставалось, как примазаться к работе. Дело в том, что из-за несчастного случая я провалялся больной недели две. За это время мне не часто приходилось обедать. У меня не было ни гроша, а праздники близились. Хотелось опять попробовать чего-нибудь и вкусного и острого. Не всегда же, на самом деле, жевать финики и рис, тянуло выпить и разок в году повеселиться. И хоть за время болезни я отощал и стал худ и желт, как соломинка, Ахмед все-таки сказал мне:

— Из Марселя приходит «Трианон», он заберет здесь автомобили для Бомбея,—вот тогда ты мне понадобишься.

Наши лавочники были раздосадованы, когда стало известно, что «Трианон» почти не задержится в порту, вернее простоит столько, сколько потребуется для переброски груза с железной дороги в порт, а команда и вовсе не сойдет на берег.

Корабль вошел в порт в тот самый час, когда из Марокко прибыл поезд. Словно они состязались в беге: поезд, мчавшийся по суше в Оран, и корабль — по морю из Марселя. Мы были удивлены, что полиция сразу запрудила всю набережную. Но не было времени раздумывать, почему для охраны такого груза, как автомобили, нужна двойная цепь полицейских.

Ахмед уже отдал нам распоряжения, он взялся за дело с азартом, он поклялся французу — представителю транспортной фирмы, — что работа будет выполнена в течение двух часов.

Крановщик залез в свою кабину. Эли и половина грузчиков пошли на борт корабля. Эли не был так прижимист, как Ахмед, который всегда любил изображать из себя начальство.

После прибытия поезда полицейские построились кольцом в два ряда. Я удивился, почему груз сопровождают солдаты. Ахмед подал нам знак, он был увлечен своим высоким постом надсмотрщика, его глаза метали искры. Я сжал зубы от страха, что ослабел за время болезни. Возбужденно размахивая руками, Ахмед командовал нами. Сперва мы сдвинули машины на открытой платформе, потом протянули между колесами канат, и вскоре кран начал раскачивать в воздухе первые автомашины. Ахмед смотрел им вслед. Он весь трясся от возбуждения и удовольствия. У меня болели кости, но я убедился, что еще в состоянии работать. Мне стоило только сказать себе: «Если Ахмед увидит, что ты скис, он тебя тотчас же прогонит». Это меня подхлестывало, и я вновь чувствовал себя сильным.

Кран уже перенес несколько автомобилей и, словно по приказу крановщика, протянул свою руку к следующей платформе. Вдруг мы заметили, что автомобили — только небольшая часть груза, главную же часть составляли ящики. Я спросил у железнодорожника:

— Все это хозяйство идет в Бомбей?

Он ответил:

— Что тебе пришло в голову?

Я говорю:

— Ахмед нам сказал, что корабль идет в Бомбей.

— Ничего подобного, в Сайгон.

Другой железнодорожник вмешался:

— Мы-то тут при чем? Мы переняли поезд лишь на границе между Марокко и Алжиром.

Первый продолжал:

— Мы и не думали, что в этих ящиках. Нас только озадачило, что, начиная с Дакара, с нами едут солдаты.

— А потом мы заметили,—сказал другой, — что на ящиках — английские надписи. Это свинство, что те в Марокко пошли на такое дело.

Я прислушался к их разговору и пропустил свою очередь — не толкнул груз. И снова меня обуял страх: «Если ты не поднажмешь,— подумал я, — твои праздники полетят к чорту». В ушах у меня уже звенела музыка, я видел перед собой свою подружку, ее глаза и зубы, я чувствовал во рту острый вкус еды.

Кран направил свою стрелу в нашу сторону. Ахмед что-то кричал нам и грозил кулаком.

— Наверное, и там при погрузке двойная цепь полицейских окружила станцию, — снова заговорил железнодорожник, — как и здесь, в порту, и людям не оставалось времени принять решение, и ничего другого они не могли сделать.

Первый рассвирепел и крикнул:

— Что ты там говоришь! Решение — не кран, его вертеть нечего!

— Вьетнам — это мы, — сказал кто-то позади, до сих пор молчавший.— А теперь мы сами себе затягиваем петлю на шее.

Уже не раз, даже когда я лежал больной, до меня долетало это слово — Вьетнам. Но я не задумывался над ним. Стрела крана ударилась о нашу платформу. Ахмед заорал, как сумасшедший.

— Теперь слишком поздно, — сказал первый железнодорожник.

Партия ящиков уже поднялась и скользила по воздуху.

— Никогда не бывает слишком поздно, — отозвался другой.

Один из грузчиков ругал меня за то, что я опять не подхватил во-время ящика. Кто-то толкнул меня в спину. Я крикнул в отчаянии:

— Разве вы не понимаете? Они там воюют...

— За что?

— За свою свободу!

— За что?

— За свободу!

— За свободу! Мне моя шкура тоже дорога, да берись же ты, наконец...

Третий за мной тихо и отчетливо сказал:

— Если и у нас будет когда-нибудь так же, как у них, и люди вроде этих будут грузить такие же ящики для отправки в Оран, чтобы эти негодяи потом убивали нас...

Я повернулся к говорившему. Его лицо было мне незнакомо. Но я почувствовал, что его взгляд, как крючок, вонзился в меня. Он спросил:

— Хватит у тебя смелости?

Я спрыгнул с платформы на землю. Тут к нам подлетает Ахмед, хрипит: «Что? Что случилось?»—и подставляет мне ножку. Я ударяю его. Он хватает меня, я вырываюсь из его рук. Солдаты не сводят с нас глаз. С корабля крикнули. Я рванулся вперед, поднял обе руки, будто кран мог мне подчиниться. И потому, что кран не остановился, я крикнул первое, что пришло в голову:

— Бросайте работу! Слышите! Корабль идет в Сайгон! Кончайте!

Али, дружок моего брата, тоже вытянул голову, крикнул:

— Вы его поняли? Кончать! По домам!

Несколько наших грузчиков прибежали одновременно с железной дороги и корабля на набережную. Теперь на нас кинулись полицейские. Я успел взобраться по железной лесенке в кабину крановщика. От возбуждения я не мог ему толком объяснить, в чем дело, но так как нужны были не слова, а действия, то в ответ крановщик нажал несколько рычагов. Я видел из его кабины, как наш кран солидно и плавно, по тому же воздушному пути, вернул на платформу не выгруженные ящики. Я услышал крики одобрения. Кран втянул свою стрелу, и крановщик окончательно затормозил его. Я сверху видел, сколько людей сбежалось из портового квартала на набережную. Наш кран окружили полицейские. Один из них поднялся на столько ступенек, сколько ему нужно было, чтобы стащить меня за ноги вниз. Крановщика тоже арестовали. И Али. Полицейские погнали нас с набережной, избивая по пути, и втолкнули в машину. Толпа пела.

Когда нас выпустили из тюрьмы, мы поехали во Францию. Меня послали к вам делегатом! Спасибо.

Перевела с немецкого
Л. ЛЕЖНЕВА

40.000 жителей Мангейма (Западная Германия) участвовали в демонстрации протеста против антинародной политики боннской правящей клики

Снимок из газеты «Тэглихе рундшау»

Иван Ольбрахт

30 декабря 1952 года умер один из крупнейших представителей чехословацкой литературы, народный художник Иван Ольбрахт, широко известный далеко за рубежами своей страны.

Ольбрахт родился в 1882 году; в 1909 году начал выступать со статьями и очерками на страницах рабочей печати.

В течение своей общественной и литературной деятельности Ольбрахт служил делу рабочего класса, как публицист, художник и коммунист-трибун. Книга «Образы современной России», написанная Ольбрахтом в 1921 году, после посещения им Советской России, стала оружием в борьбе рабочего класса против лжи и клеветы буржуазии на страну Советов. Ольбрахт всегда был и остался преданным другом Советского Союза.

Первый сборник рассказов Ольбрахта «Об озлобленных и одиноких» относится к 1913 году, позднее вышли его романы и повести — «Тюрьма наитемнейшая» (1918 г.), «Странная дружба актера Есениуса» (1919 г.), «Зеркало за решеткой» (1930 г.), «Анна пролетарка» (1927 г.), «Никола Шугай, разбойник» (1933 г.), «Горы и столетия» (1935 г.), «Завоеватели» (1944 г.) и ряд других. Наиболее популярные из его книг — «Анна пролетарка» и «Никола Шугай, разбойник» выдержали несколько изданий и в Советском Союзе, переведены на ряд языков. В романе «Анна пролетарка» впервые в чехословацкой художественной литературе был дан правдивый образ молодого рабочего — борца за идеи коммунизма, беспощадно разоблачена роль правых социал-демократов, подчеркнута роль Октябрьской революции для международной борьбы рабочего класса. Роман пронизан твердой верой в победу; и недаром буржуазная критика, почувствовав силу этой книги, обрушилась на нее, обвиняя автора в «излишней тенденциозности».

Особенно ярко проявился талант Ольбрахта-художника в романе-поэме «Никола Шугай, разбойник», который сам автор называл «преданием о борьбе за свободу». Роман был написан в 1933 году и посвящен жизни и борьбе крестьян Закарпатской Украины. Поставив в центре своего произведения фигуру народного героя Николы Шугая, поднимавшего народ на восстания сначала против австрийской монархии, а потом против буржуазной Чехословацкой республики, Ольбрахт создал высоко поэтическое и вместе с тем глубоко реалистическое художественное полотно. Глубокое отражение горестной жизни народа и необычайное богатство художественных средств сделали «Николу Шугая, разбойника» одним из любимейших произведений в Чехословакии и за ее пределами. Роман был переведен на двенадцать языков.

В последние годы Ольбрахт не раз выступал с пламенными статьями в защиту мира, против империалистических поджигателей войны.

В январе 1952 года, в день семидесятилетия писателя, президиум Союза чехословацких писателей писал в своем приветствии Ольбрахту, что его творчество, «характерное верностью народу, решимостью в борьбе за лучшее завтра и исключительным мастерством, войдет в золотую сокровищницу чехословацкой литературы».

Союз чехословацких писателей, Прага

Глубоко скорбим вместе с Вами о смерти Ивана Ольбрахта, большого писателя, патриота и человека, старого преданного борца за лучшее будущее Чехословакии, верного друга советского народа. Просим передать наше соболезнование семье покойного.

Фадеев, Сурков, Симонов, Тихонов, Горбатов, Кожевников, Леонов, Панферов, Софронов, Твардовский, Федин.

И. А. Кочерга

Советская литература понесла большую утрату. 29 декабря 1952 года, на 72-м году жизни, умер один из старейших украинских советских писателей, член правления Союза советских писателей Украины, заслуженный деятель искусств Украинской ССР, выдающийся драматург Иван Антонович Кочерга.

И. А. Кочерга родился в 1881 году на Черниговщине. Свою литературную деятельность он начал в 1911 году. Им написано свыше 20 крупных драматургических произведений. Из них пьеса «Часовщик и курица» была премирована на всесоюзном конкурсе в 1933 году.

Перу И. А. Кочерги принадлежат значительные произведения исторического жанра, такие, как «Свадьба Свички» и «Ярослав Мудрый». Постановка «Ярослава Мудрого» на сцене Харьковского театра имени Т. Г. Шевченко была удостоена Сталинской премии.

В своих талантливых произведениях И. А. Кочерга воспевал героические дела советского народа, его славное прошлое. Произведения Кочерги воспитывают зрителей и читателей в духе животворного советского патриотизма, горячей любви к социалистической Родине.

Исключительно благородный и скромный человек, И. А. Кочерга чутко относился к писательской молодежи, делился с ней своим богатым опытом, помогал осваивать высоты художественного мастерства.

Много содействовал И. А. Кочерга развитию украинской советской литературы как редактор журнала «Театр» и газеты «Література і мистецтво» до войны и в годы Великой Отечественной войны. Жизнь и творчество И. А. Кочерги являются образцом самоотверженного служения советскому народу, делу партии Ленина — Сталина.

Лучшие пьесы И. А. Кочерги переведены на русский, грузинский, белорусский и другие языки народов СССР и с большим успехом шли во многих театрах нашей страны.

За выдающиеся заслуги в области советской драматургии И. А. Кочерга был дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1950 году Указом Президиума Верховного Совета УССР И. А. Кочерге было присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств Украинской ССР.

Навсегда останется в памяти народа светлый образ талантливого мастера советской драматургии, прекрасного человека Ивана Антоновича Кочерги. Его лучшие произведения будут служить делу коммунистического воспитания трудящихся масс.

Прощай, наш незабвенный друг и товарищ!

Президиум Союза советских писателей СССР

Президиум Союза советских писателей Украины

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00802.